

Роман
Сидоркин

ТВОЯ
РАСПАДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

PIVOZIC

Роман Сидоркин
Твари Распада

«Автор»

2019

Сидоркин Р. И.

Твари Распада / Р. И. Сидоркин — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07341-8

Главный герой - современный молодой человек, закончивший вуз и никому не нужный. Когда восстали мёртвые, он увидел в этом возможности для себя и своих амбиций. Как далеко может завести человека вседозволенность, когда всю жизнь он подавлял свои желания? Книга про нарывы общества и лишнего человека в сеттинге зомби-апокалипсиса. Что будет, если сдерживающие факторы исчезнут, а униженные, оскорблённые, не вполне здоровые, слабые, никчёмные останутся и начнут строить свой мир? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07341-8

© Сидоркин Р. И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Начало	6
Суждение	10
Маленькая находка	12
На радио	17
Зов	20
Ночной эпизод	21
Сбор	23
Окончание подготовки	26
Дорога к лагерю	28
Завод	34
Прибыли	40
В лагере	42
Утро	45
Совет	46
Брод	52
Остановка	57
На распутье	63
В путь-дороге	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роман Сидоркин Твари Распада

"Единственный способ избавиться от искушения – это поддаться ему", – Оскар Уайлд

"Точно?" – Роман Сидоркин

ДАННАЯ КНИГА СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ НАСИЛИЯ, МАТ, А ТАКЖЕ ОПИСАНИЯ ПОСТУПКОВ ПСИХИЧЕСКИ НЕЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ. ТАКИЕ ОПИСАНИЯ НОСЯТ СТРОГО НЕГАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР И НЕ ПРЕСЛЕДУЮТ ЦЕЛИ ВЫРАБОТАТЬ У ЧИТАТЕЛЯ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К ТАКИМ ПОСТУПКАМ.

НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ И НОРМ МОРАЛИ, ОПИСАННЫЕ В ДАННОЙ КНИГЕ, НЕ ОДОБРЯЮТСЯ АВТОРОМ В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

ДАННАЯ КНИГА ЯВЛЯЕТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ. ВСЕ ПЕРСОНАЖИ И СОБЫТИЯ ВЫДУМАНЫ, СОВПАДЕНИЯ С РЕАЛЬНОСТЬЮ СЛУЧАЙНЫ.

ПРОДОЛЖАЯ ЧТЕНИЕ ВЫ СОГЛАШАЕТЕСЬ С НАЛИЧИЕМ УПОМЯНУТЫХ СЦЕН И ОТКАЗЫВАЕТЕСЬ ОТ ПРЕТЕНЗИЙ К АВТОРУ И ПЛОЩАДКЕ-РАСПРОСТРАНИТЕЛЮ.

Начало

Это началось как-то странно. В потоках информации не было ничего особенного, но главное – молчали все официальные каналы. Не сказать, что вообще никакой информации не было, но и чувства общественного единения перед лицом угрозы – тоже. Просто ясным августовским днём по Петербургу стало опасно ходить.

Я, как большинство моих ровесников, не смотрел телевизор, а черпал знания о мире в Интернете в виде кем-то субъективно осмысленных блоков. Будь это новостные сайты или видеоблогеры – все они боролись за внимание и просмотры, так что информация имела эмоциональный налёт, искажающий саму суть сообщения. Люди читали и смотрели новости не ради фактов, а ради эмоций самих ведущих. Это было шоу. Никто не умел пользоваться информацией. Люди паталогически не были готовы к случившемуся.

Дня три это были просто нападения на прохожих. На стенах домов стали появляться надписи про чурок, сопровождаемые традиционными в таких случаях свастиками, конспирологическим бредом про заговор жидомасонов в правительстве и инопланетян, а также религиозные концепции на любой вкус.

Я – магистр философии и как раз за три дня до начала, получил диплом Санкт-Петербургского Государственного Университета. Никто не пришёл меня поздравить: родители давно умерли, а друзьями я был не богат.

События, приведшие меня туда, где я пишу эти строки, начались между 13-м и 15-м августа.

В нашем сыром городе эпидемии всяких инфекций случались чаще, чем в среднем по стране, да и в целом заболеть элементарной простудой в Питере куда проще.

Если ты выживший и читаешь это, то возможно, ты поймёшь о чём я говорю, потому что если ты умеешь читать, то, скорее всего, ты из ушедшего, пропавшего мира.

Первое нападение случилось 10 августа. Может быть оно не было первым, но после него о происходящем заговорили. Потом всё пошло по нарастающей, за несколько дней превратившись в лавину смерти.

Сначала мёртвый человек при мне напал на красивую девушку на Сенной. Я это хорошо запомнил потому, что она олицетворяла русскую красоту северного типа: высокий рост, длинные ноги, объёмная грудь, аккуратный прямой нос, достаточно широко расставленные голубые глаза, белая кожа с матовой структурой, длинные русо-золотистые волосы, собранные в косу. Конечно же, я запомнил тот момент благодаря её прелестной внешности, а не из-за вида того, как землистого цвета человекообразное существо отгрызло ей сосок, а потом разорвало горло, добравшись зубами сквозь мягкие ткани до шейных позвонков. В моё время это называли иронией.

Есть такое явление: «Двоемыслие», его сформулировал один человек, который тоже писал, как и я, он жил за океаном, на континенте Северная Америка. Двоемыслие – это образ мышления, при котором, когда ты знаешь что-то, со знанием чего ты не можешь жить, ты просто загоняешь это на подкорку, но при этом действуешь с учётом этого знания. То есть явление есть и о нём известно, но оно нигде не обсуждается, и даже в своей голове ты о нём не мыслишь. Обычно двоемыслие возникает в тоталитарных государствах из-за угрозы наказания за инакомыслие, но в свете начавшихся событий наказанием было самое настоящее сумасшествие. То, что я увидел на Сенной, просто не могло ужиться в голове со всем, что я знал. Признать увиденное за факт значило немедленно перейти к действиям: нужно было идти на площадь, собирать людей и требовать от властей информации, собирать дружину и вооружаться. Ни к чему из этого жизнь меня не готовила. То, что прежде называлось жизнью. Я был смертельно испуган.

Не помню, написал я это уже или нет, проверять нет времени: в тот день я просто вышел за хлебом... А купил целый мешок гречки и сахара. Это было единственной реакцией на начало апокалипсиса с моей стороны. Большинство настолько было не готово поверить в произошедшее, что даже из подкорки эту картину выдавили. Цена этой добровольной слепоты – смерть.

Смерть. Поднимая тела, смерть распространяла всюду смрад разлагающихся трупов, она распространяла саму себя.

Все, я в том числе, пытались сохранить свой комфорт нетронутым, сделать вид, что ничего не происходит, пока мёртвые не начали врываться в дома.

Три дня: пятница, суббота, воскресенье и весь Петербург был измазан запёкшейся кровью и кишками.

До апокалипсиса люди в эти дни уходили на долгожданный отдых. А теперь им вообще не нужны дни недели: какая разница понедельник или среда – главное ты ещё жив.

На следующее утро после происшествия с девушкой я вышел на улицу. По субботам города пустели, люди уезжали в пригороды. Питер в этот день тоже был пустым, и очень хотелось верить, что ничего особенного не происходит. Однако ощущение опасности и в особенности запах подтухшего мяса, тонкой атмосферой скользкий по ущельям между крышами домов, не давали расслабиться. Не знаю, зачем я тогда вышел. Может, хотел проткнуть пузырь двоемыслия, повторно увидев что-то жуткое. На удивление, тогда мне удалось проходить по улицам очень долго. Похожее чувство испытываешь, когда выходишь из дома без зонта и, видя приближающийся шторм, надеешься успеть туда и обратно.

Хотя ты, вероятно, вообще не знаешь, что такое зонт.

Когда в глаза бросились первые потёки крови на тротуаре, я не повернул назад: я всё ещё не хотел отпускать привычный мне мир. Тащась по улице, я прислушивался к всё усиливающейся дрожи в теле. Не вспомню сейчас, в какой момент я решил повернуть назад. Просто вдруг с разума упала пелена, и меня наконец охватил животный ужас.

Ситуация вокруг изменилась, как будто отреагировав на то, что я вынул голову из выгребной ямы. Хотя изменилось скорее моё мироощущение. Я понял в какой заднице нахожусь. Мой личный апокалипсис начался в субботу 14-го августа в два часа после полудня.

Ну, а дальше, мой случайный читатель, началось моё странствие. А также странствие тех идей, что остались в моём мозгу по завершении философского факультета.

Дорога домой была страшной. Чем ближе я был к дому, тем больше мертвецов попадало в поле зрения. Некоторые, судя по их виду, были просто укушенными: видимо с первой партией поднявшихся трупов люди ещё боролись сообща: не давали зубам добраться до жизненно важных участков. Что достаточно и одного укуса, все поняли слишком поздно. «НЕЛЬЗЯ ДАТЬ СЕБЯ УКУСИТЬ», – загорелась аксиома в моём мозгу.

Переходя через один из многочисленных мостов моего потерянного города, я заметил, что вода кишит этими, бывшими когда-то людьми, существами. В какой-то момент, интуитивно уловив опасность впереди, я оторвал взгляд от канала, шевелящегося от судорожных движений тел в нём, и посмотрел вперёд. Несколько разрубленных пополам трупов ползло в мою сторону. Судя по переломанным конечностям и даже не разрубленному, а раздавленному посередине туловищу, они были сбиты большим автомобилем, а потом нарочно перееханы колёсами. Но меня парализовало не от ужаса перед обезображенным человеческим телом – таким же, как моё, а перед тем, что эти создания, впервые с момента начала всего этого, шли именно за мной. Они ползли в мою сторону, поднимая кверху свои белёсые мутные глаза, выворачивая свои переломанные конечности, извивая половинки тел, подобно уродливым змеям.

Засмотревшись на гипнотическое зрелище приближающейся опасности, как застывший на дороге человек смотрит на несущийся к нему грузовик, я едва не попал в объятия огромной туши – мёртвого мужика за 120 килограмм веса. Обернулся я не от звуков: туша их не издавала, а скорее от колебания воздуха из-за огромной площади тела. Если бы не необходи-

мость спастись, меня бы вывернуло прямо там. Обглоданные щёки отвратительно скалились, высохшими на воздухе зубами, у корней которых ещё сохранились остатки слюны. Мои ноги, даром, что я спортом не занимался, сработали как пружины: земля бросилась мне навстречу, и я пополз, желая проскользнуть между ног огромной мёртвой туши. Мертвец с молниеносной скоростью перегнулся и синими пальцами схватил меня за ногу, причём с такой силой, что мне показалось, что кость вот-вот переломится.

Мне тогда просто повезло: к моменту, когда эта дохлятина меня ухватила, я уже был почти за её спиной, так что, схватив меня, мертвяк согнулся в пояс и, из-за своей огромной массы, переломил себе хребет. За эти мгновения подползли другие. Это придало мне ещё сил, я рванул ногу, и в мёртвой кисти остались мой носок и кроссовок.

Наступать босиком на камни, по которым ползали, бродили и пускали свои гнилые слюни восставшие из мёртвых, было противно. К тому же меня беспокоила мысль, что их яд может впитываться через поры, но прыгая на одной ноге, я бы не дошёл до своей парадной¹.

Идти по открытому пространству я счёл слишком рискованным, поэтому свернул на узкую набережную, где в обозримом пространстве не было ни одного неуспокоившегося трупа, и побежал вдоль высоких гранитных поребриков², очень желая, чтобы за поворотом, ведущим на другую улицу никого не было. Впереди был ещё один мост – что на нём творится было не разглядеть – только сливающиеся в единое чёрное месиво чугунные прутья перил. Опасность могла появиться откуда угодно: у этих безмозглых порождений только один инстинкт, и они ему безоговорочно следуют. Не известно только: хотели ли они лакомиться плотью или, да простят меня биологи, теологи и прочие, кто хоть как-то связан с изучением сущности жизни, в их *природу* было заложено обратить как можно больше живых.

Меня ждало разочарование: за поворотом, прямо посередине улицы, идущей от моста, было два мёртвых тела: одно лежало с раскинутыми в разные стороны конечностями: второе пожирало его внутренности. Меня парализовало от отвращения: окровавленная голова, вынырнув из живота несчастного, держала в зубах какой-то сизый орган, похожий на селезёнку. Моё состояние усугубил порыв ветра с их стороны – он бросил мне в лицо сырой запах свежей крови и затхлость человеческой утробы.

Мертвяк опустил голову и стал пожирать тело дальше. Я много сил потратил, чтобы справиться с рвотным позывом, чтобы остаться незамеченным.

Заставить себя идти пешком было едва ли не сложнее, чем поверить во всё происходящее. Когда я поравнялся с жрущим мёртвого человека созданием, я заметил, что оно дёргается, как будто хочет побежать в мою сторону. Это отвратное чувство – когда на голову как будто надевают колокол, и она тяжелеет, тупеет и перестаёт отдавать приказы телу. Это страх. Тошнотный животный страх, разрушающий сознание. Но оказалось, что несмотря на него, я продолжал идти и ушёл на такое расстояние, что существо потеряло ко мне интерес.

Перед тем, как свернуть за угол, я увидел, что пожираемый зашевелился.

У двери парадной, когда я наконец до неё добрался, закрыв голову руками, рыдала девушка. Я открыл дверь и затащил её внутрь. Это было что-то из ряда вон выходящее, я как будто освободился от всех оков, как будто лопнул пузырь, разделявший меня и остальной мир. Словно я получил право жить и действовать. В парадной я её изнасиловал, почти не отдавая себе отчёта в своих действиях.

Кровь играла в моих артериях, в голове стоял гул, и я готов поспорить, что на губах была улыбка.

В моё время была легенда, что люди интеллектуальных профессий не могут продавливать свои интересы в жизни, в том числе не могут быть настойчивыми в отношениях. По боль-

---

¹ Подъезд (санкт-петербургский жаргон)

² Бордюры (санкт-петербургский жаргон)

шей части, я согласен с этой легендой: сублимация либидо в интеллектуальный аппарат иссушает энергию инстинктов. Тогда я понял, что всё это не так. Инстинкты наоборот придают силу интеллекту, а инфантилизм «интеллектуалов» связан с тем, что они, запираясь в своей профессии, отказываются от контактов с внешним миром, и со временем это обращается в привычку.

Впервые я действовал инстинктивно. Та девушка, ставшая жертвой, пузырившегося в моей крови адреналина, с каким-то сосредоточенным лицом поднялась со мной в квартиру. Пока я был в ванной – отмывал запёкшуюся кровь, и грязь с босой ноги, она взрезала себе вены кухонным ножом.

Мне было не особо жалко её: такой материал не годится для будущего. Только лишние хлопоты по избавлению от тела.

Суждение

Большой палец прокручивал список контактов на прямоугольнике экрана, надежды позвонить кому-то не было: в тот самый день, как я во всём воочию убедился, выключили связь. Но привычка тыкать в экран смартфона поглощала внимание, давая нервам передышку.

Выходить из квартиры особой необходимостью не было. Конечно, употреблять в пищу одно и то же больше пары дней подряд надоедает (как я был наивен и избалован!), но человек быстро адаптируется, к тому же что-то подсказывало, что произошедшее – это всерьёз и надолго. Это новая реальность, в которой придётся жить. С какого-то момента гречка со сладким чаем даже стали доставлять удовольствие, особенно после взгляда в окно. Большая часть витрин была разворочена – значит у тех, у кого в самом начале всего этого не сработал блокадный инстинкт, скоро закончится пища. И у меня могут появиться непрошенные гости. Если сами не станут едой на улице, конечно.

Чтобы кто-то из чудовищ ходил по лестничным пролётам, я не слышал, голосов людей тоже.

Происходящее очень нервировало, но в то же время я ощущал радость. Мне было весело! В крови бурлил адреналин, хотелось прыгать и беситься. Теперь можно действовать на полную, никаких полутонов. Не нужно притворяться и сдерживать себя. Цель одна – выживание, а все решения, способствующие её достижению, исходят только от меня.

Раздумывая о будущем, я неизменно натёкался на мысль о человеческой популяции. Что будет с людьми и каков будет облик человечества в будущем? Что если никто не выживет? Что будет, если каким-то чудом уцелевшие люди, не смогут организовать хоть сколько-нибудь приемлемое общество? Кто будет приглядывать за ними? Эти вопросы метались, перебивая мысли о насущном – о том, как выживать.

В это же время я осознал, что моё первоклассное философское образование – это то, что даёт мне право и инструменты для постройки нового: правильного и справедливого общества.

Шатающихся за окном покойников становилось всё больше. Видимо легко доступной пищи не осталось – большинство нерасторопных горожан, ну или таких, как я, которые долго не могли поверить в происходящее, уже бродило по городу с вываленными наружу внутренностями.

Природа произошедшего была совершенно не ясна: был это какой-то вирус, передаваемый через укус, или библейский апокалипсис, предсказавший воскрешение мёртвых, я не знаю. Большинство бродящих по улицам мертвецов не имело внутренностей, чтобы переваривать пожираемое: они просто заполняли свою утробу человеческим мясом, которое вываливалось через дыры в животе или скапливалось в нефункционирующем желудке. Но одно было очевидно: нужно избегать контакта с их зубами.

Я постарался переключиться на насущное – проблему собственного выживания. Отправной точкой стали ограниченное пространство городских улиц и гигантская масса человеческого материала для создания разлагающихся безумных существ. Из города надо убираться.

Простому городскому жителю выжить в условиях дикости крайне сложно, а в городе ещё оставались точки с продовольствием и питьевой водой, но они бессмысленны, если не можешь выйти на улицу. Электричество и вода перестали поступать на четвёртый день, так что последняя радость – горячий чай был теперь недоступен. Экран смартфона догорел последние секунды и потух, теперь не было даже гипотетической возможности созвониться со знакомыми сокурсниками.

Нужно было думать быстрее.

В то время помимо светящихся кирпичиков смартфонов у нас были иные аппараты для мгновенной передачи информации на огромные расстояния, через них правительство опове-

щало население об опасных ситуациях. В обстоятельствах вроде этих, хотя я сомневаюсь, что нашествие мертвецов учитывалось при планировании спасательных операций, в дело должны были вступать сразу несколько правительственных организаций, которые помогали гражданам. Но, как я написал, света не было, вся электротехника была выключена, и старые громкоговорители на улицах, если они где-то остались, хранили молчание.

Как-то раз ночью я услышал отдалённые звуки, похожие на искажённый аппаратурой голос и вроде бы даже стрельбу, но они быстро стихли.

Было ощущение, что я остался один.

По ночам я прислушивался к тяжёлой тишине на лестничной площадке. Я присаживался на тумбу, которая на всякий случай подпирала стальную дверь в квартиру, стибался в поясе и прикладывал ухо к замочной скважине. Одновременные желание и страх услышать чьи-то шаги – вещи, которые могут спровоцировать пограничное расстройство личности. Думаю, я с рождения был склонен к расслоению психики, удивительно, как мне удалось сохранить достаточно самоконтроля, чтобы описывать всё это.

На шестой день я понял, что не могу больше сидеть. Это было сродни птичьему зову при наступлении сезона отлёта: нужно выдвигаться. Как любое чувство, это вызвало во мне поднимающее на ноги беспокойство и раздражающую тревогу, которая, я по опыту знал, никак не уймётся, пока я не обнаружу её причин.

Я сел на кухне, в полузадушенном сумраке задёрнутой шторы. Иногда выглядывал за неё, чтобы убедиться, что кошмар не кончился. Табуретка скрипнула ножками о плитку, я выругался от испуга. Взглянул за штору. На меня смотрело несколько мутных мёртвых глаз в паре метров от входа в парадную. Я задёрнул штору.

Нервозность была такой силы, что я дал себе несколько пощёчин – никак не получалось сосредоточиться.

«Думай, бестолковая голова!»

Первое. В квартире банально заканчивались припасы. У меня всегда хранилось несколько канистр на случай отключения воды, одна из них была прикончена. Вся скоропортящаяся еда тоже ушла в расход, оставались только крупы, но без горячей воды они прикончат меня, превратившись в кирпич у меня в кишках.

Второе. Я мог бы попробовать добраться до супермаркета, который был внизу в соседнем доме, но мёртвых стало слишком много. Я даже не был уверен, что увидевшие меня носители белёсых глаз прямо в эту секунду не ломятся в дверь парадной. К тому же, туда уже наверняка наведались другие выжившие.

Третье. У меня не было оружия. Опасность в городе может исходить и сверху, и снизу, в каждой канаве, за каждым поворотом, за каждой дверью. Город – трёхмерное пространство в отличие от диких мест. И здесь выше риск стать жертвой бандитов, которые со временем начнут планомерно зачищать дома, забирая всё, что можно съесть и как-то использовать.

И четвёртое: не было связи с окружающим миром. Сколько бы я тут просидел даже с припасами и оружием? Рано или поздно даже самый большой запас иссякнет.

Нервяк отпустил. Я решил покинуть город, как только представится подходящий момент. Но предстояло ещё кое-что найти и захватить оттуда.

Маленькая находка

Мой нафаршированный книгами и лекциями мозг – вещь очень специфическая. Сколько угодно размышлять об идеальном устройстве общества, как любой русский человек – это пожалуйста, а вот в вопросах реальных дел он включается только при непосредственном столкновении с проблемой. То есть нужно, чтобы на меня неслась толпа мертвяков, чтобы я начал думать, как уйти от них.

Чтобы проверить обстановку на улице, а заодно лучше понять повадки восставших, я вышел. И через три секунды вошёл. Глупая была затея.

Из наблюдений за ними через окно я понял, что они могут действовать как поодиночке, так и группами, правда был неясен способ взаимодействия. По правде сказать, их поведение даже в группах, не выглядело как совместные действия – их «коллективность» была чисто внешней, следствием физической близости тел, занятых охотой. Когда я бросил ложку из окна, они среагировали лишь поворотом головы, значит они видят и определяют съедобность раздражителя. Но они не делились информацией друг с другом – просто каждый услышал звук и повернул голову. Несколько раз я наблюдал их погоню за человеком. Поведение во время «охоты» подтвердило мои первоначальные наблюдения: это не было охотой с разделением ролей – в толпе мёртвых каждый стремился лишь достичь зубами плоти. Они могли наваливаться друг на друга и наступать на себе подобных. Единственная причина, по которой со стороны они выглядели одной стаей – это то, что каждый воспринимал другого как твёрдое препятствие, тело, занимающее какое-то место в пространстве и чисто механически старался не столкнуться с ним как с фонарным столбом.

Да, их органы чувств вполне функционируют. С какой остротой сказать сложно и теперь, но они точно дают им представление о мире вокруг.

Я решил сходить на разведку по своей парадной. Это тоже было рискованно, но рассудив, что раз за эту неделю отсюда не раздалось ни звука, скорее всего, тут никого нет. Если только тут не завис труп, который успел добраться до квартиры до обращения.

Разобрав баррикаду у двери, я случайно кинул взгляд на зеркало в прихожей. Оттуда смотрело серое щетинистое лицо с огненными, карими глазами, обрамлённое закрывающими уши волосами. Я улыбнулся ему.

Помню, мой дед, орудовал при мне разными инструментами на импровизированном станке в своей подвальной мастерской. Он был весьма толковым, помнил блокаду Санкт-Петербурга германскими войсками и мог сделать своими руками всё, что угодно, вплоть до мелкой электроники. До эры массового распространения компьютеров он не дожил, но уверен, что он справился бы и с ними. В части работы руками он был гением.

Мне ничего из этого не досталось.

Я никогда не любил работать руками, но кое-какие воспоминания фотографически застыли у меня в памяти, поэтому я вооружился старыми инструментами: ржавым молотком с высохшей ручкой и долотом с осыпавшимися ржавыми хлопьями на металлическом теле. Массовые нападения и поедание живых началось в пятницу до обеда, значит большинство людей в этот день были на работе, и их квартиры были заперты. Они-то мне и были нужны.

Переодевшись в старую футболку, я вышел на лестничную площадку, спустился на первый этаж и остановился перед стальной с бронзовым отливом дверью. Когда долото было приставлено к замочной скважине, а плоская сторона молотка смотрела ровно на его шляпку, в голове прожектором высветилась мысль: «Да кого я обманываю?» Я понятия не имел как надо выламывать замок, тем более, что грохот от ударов мог привлечь такую толпу мёртвых, что даже крепкая дверь парадной, которая была ровно за моей спиной, не выдержит.

Я переложил инструменты в одну руку и, на всякий случай, дёрнув ручку двери, которая, конечно, оказалась закрытой, пошёл обратно в свою квартиру.

Там меня ждал сюрприз.

Старая кочерга в цветастом махровом халате лазила по полкам на кухне, а на столе были составлены продукты, которые эта сука уже смогла найти.

Бабка была глуховата, так что не услышала моего прихода. Интересно, как она узнала, что меня нет дома? Я покосился на орудия в своей руке.

– Что вы тут делаете? – задал я риторический вопрос.

Бабка дёрнулась, отскочила от полки с крупами и, не выпуская из руки пакет с гречкой, морщась – видимо что-то болело, повернула ко мне морщинистое лицо.

Не знаю, что означал её продолжительный взгляд – я никогда особо не разбирался в людях. Наверно думала, что ответить.

– У меня еда заканчивается, а у тебя тут много! Вон, здоровый какой! – тараторя подобную чушь, чтобы заболтать меня, курва схватила несколько пакетов съестного и, опустив голову, понеслась мимо меня.

Ну точнее попыталась, коридор из кухни в прихожую был узкий.

– Поставьте еду на место, – сглатывая спазм ярости, сказал я – я разберусь сколько мне и чего нужно.

– Ты можешь ещё себе найти, а я – нет! – взвизгнула бабка.

– Ну, судя по тому, что вы сейчас делаете, вы можете.

Я всё ещё стоял с инструментами в руках. Старуха посмотрела на меня снизу вверх и бросила пакеты на пол.

– Дай пройти!

– Подождите, – сказал я примирительно.

У меня тогда возникло желание как-то успокоить её. Во-первых, хоть она была и противной, она была человеком, а, во-вторых, у неё могла быть какая-то информация.

– Давайте присядем и поговорим.

– Поговорили уже.

Она снова сделала движение, чтобы пройти сквозь меня.

Я молча стоял и смотрел.

– Ну что тебе?! – с крайним раздражением, подняв свои блёклые мутно-голубые глаза, спросила она.

– Сами видите ситуация какая, – ответил я и кивнул в сторону окна – найдём о чём пообщаться.

– Да не хочу я общаться, мне и без этих, – она тоже качнула головой – жить осталось мало.

– Зачем же вы тогда у меня еду воровали? Я ещё поживу.

– Если не сожрут!

Я понял, что пытаться разговорить её бесполезно и посторонился. Бабка проскользнула мимо меня как мелкий, противный клоп.

Когда она была уже на лестничной площадке, я громко спросил:

– В этом подъезде ещё кто-нибудь живой есть?

– А откуда мне знать, что я тут со всеми общаюсь, что ли?! – огрызнулась бабка – На шестом этаже старая женщина недавно въехала, к ней внучку привезли – противная такая. Старая куда-то вышла, а молодая вернулась, я видела, – и она куда-то заковыляла.

На всякий случай, я проследил где она живёт. Следить, правда, долго не пришлось: бабка жила этажом выше. Видимо, она была в пролёте между этажами, когда я выходил.

Тут я почувствовал, что руки всё ещё сжимают орудия неудавшегося взлома. Положив инструменты в кладовку, я отправился на шестой этаж. В какой квартире живёт та девочка,

бабка не сказала – пришлось звонить во все. Через пять минут продавливания всех кнопок, я осознал тупость своих действий: электричества не было. Привычки надолго остаются с нами.

В какой-то момент меня пробрал липкий страх, что какой-нибудь мертвяк, пользуясь остаточными воспоминаниями, сможет открыть щеколду и пригласит меня на вальс с чашкой чая и миской моих внутренностей. Моё воображение подкармливало страх встретить врага за дверью, но несмотря на это мой кулак всё же опустил на первую дверь, затем, по очереди, на другие. Пошли долгие секунды. Старуха также не сказала возраст девчонки, но раз она уже сама ходила в школу, значит была в уме. Что-то подсказывало, что в осаждённой мёртвыми крепости, которой являлся мой дом, никто просто так дверь не откроет.

– Если ты слышишь меня, открой дверь! – шипящим криком попытался я привлечь внимание обитательницы этого этажа – Я не мёртвый – я...

Тут до меня дошло, что это могла быть уловка старой ведьмы, а я опять не закрыл дверь.

Я помчался вниз. Оказавшись на своём этаже, я аккуратно, потянул дверную ручку. Внутри было пусто. Видимо старушка не была такой плохой. А может, просто еды у неё было достаточно, и первый раз она рискнула так, на всякий случай. Я закрыл дверь на ключ и снова отправился на шестой этаж.

Когда я поднимался, послышался металлический щелчок. Кто хоть раз в жизни пользовался замком, не может не узнать этот звук.

Я спокойно, давая понять, что не мародёр, вышел на площадку этажа и уже твёрдым голосом позвал её.

Ответом была тишина.

– Слушай, если ты хочешь жить, открой дверь. Я человек – теперь это важно. И я твой сосед, хоть мы не были знакомы. Может быть мы даже как-то видели друг друга.

Никто не отвечал.

– Я не могу этого обещать, но может вместе мы сможем узнать, что с твоими родителями, – эти слова были произнесены с точным расчётом: чего ещё может желать ребёнок во время нашествия мёртвых, как не найти своих родителей – я их не знал, но возможно они ещё живы и также сидят, запертые в помещении. Связи нет, но при малейшей возможности, обещаю, я попытаюсь найти какую-нибудь информацию.

Давление на чувства подростка дало нужный эффект. За одной из дверей раздался щелчок. Дверь приоткрылась, оттуда высунулось прелестнейшее личико с бледной кожей, лёгкими конопушками вверху переносицы и под яркими, синими глазами, алыми пухлыми губками и каштановыми волосами до пояса.

– Молодец, – сказал я – не бойся, мы на одной стороне – на стороне живых.

Девочка открыла дверь шире. Она была в синих тренировочных штанах, обтягивающих ещё тонкие длинные ноги и белой футболке с обрезанными на середине плеч рукавами. Корявая прелесть её фигуры до сих пор жжёт мне что-то в душе и там, где уже ничего нет.

– Как тебя зовут?

– Жанна, – тонким голосом ответила она.

– Разрешить войти?

Она секунду помедлила, пытаясь просканировать меня испуганным взглядом, затем впустила.

Внутри всё было отделано монументально, но со вкусом: тяжёлая, явно из прошлого века мебель, тканевые обои, раритетные напольные часы высотой 2 метра и прочие атрибуты зажиточного, пожилого человека.

Мы прошли на кухню. Пристально всё осматривать я не стал, чтобы не пугать девочку. Спокойно сел на тяжёлую табуретку и подвинул одну ей. Жанна с неуверенностью посмотрела на меня, потом опустила на твёрдую поверхность.

– Я думаю, описывать ситуацию тебе не нужно. Сколько тебе лет, кстати?

– Тринадцать.

– Сама всё видишь, – я сделал паузу, чтобы изучить её взгляд.

Она достаточно ясно всё понимала.

– Связи нет уже несколько дней, так что не могу сказать, что творится в мире. Только ли это в России или другие страны тоже пали жертвами этого ужаса, я тоже не знаю. Но я знаю, что мы с тобой сейчас и здесь, и нам надо как-то выживать. Поэтому, если ты хоть что-нибудь по поводу этого всего знаешь, расскажи сейчас.

Жанна какое-то время молча и растерянно смотрела на меня. Она явно ждала, что говорить буду я. Но увы, всё, что я мог ей рассказать – это повадки гниющих двуногих существ, бродящих за окном.

– Ну... – начала она – я была на танцах. Было видно, что все преподаватели и администрация нервничают – им было что-то известно, я думаю. В Интернете ничего особенного не было. Был в группе парень – Саша, он любил всякие паблики про монстров, инопланетян там... Он говорил, что в городе появились восставшие мертвецы, что они убивают людей. Ну, вы сами понимаете, как к таким чудакам относятся.

Было видно, что девочка успокоилась, углубившись в безвозвратно потерянное светлое прошлое.

– Преподаватели даже ругались между собой.

– Возможно, некоторые хотели отпустить вас домой, другие были против, чтобы не поднимать панику, – сказал я.

– Не знаю!

Девочка вдруг помрачнела: я выдернул её из мира воспоминаний. Надо быть осторожнее с психикой детей.

И параллельно с этими правильными мыслями во мне ритмично нарастал чрезмерный интерес, правильной сказать – аппетит к этому молодому прекрасному существу.

– Я позвонила папе.

– Он был на работе?

– Да.

– Где он работал? Территориально, – уточнил я.

– На Васильевском острове.

– Что дальше?

– Он сказал мне идти домой, но было не похоже, что он что-то подозревал. Я после думала, что он специально отправил меня домой, но он был абсолютно спокоен... Он не был в курсе.

Про себя я приподнял бровь, отдавая дань аналитическим способностям этой юной особы.

– Потом я пришла домой... И всё. С родителями больше связи не было. Больше мне нечего рассказывать!

– Ты видела что-нибудь до того, как отключили электричество? Я имею в виду в Интернете.

– Нет, ничего не было.

– А твоя бабушка? Она куда-то уехала или... Как и родители, была в городе?

– Она была в городе, – края её губ опустились вниз, она была готова разрыдаться – вышла в пятницу вечером и не вернулась.

Я опустил голову, раздумывая, что делать дальше. Собственно, раздумывал я не об этом, тут и так всё понятно: брать Жанну к себе, забирать все запасы из её квартиры и из своей, а потом пытаться как-то выбраться из города. Вопрос был в том, как убедить её в правильности такого плана, ведь, скорее всего, её родители мертвы, но она очень желает их найти.

– Давай так. Ты собираешь свои вещи – только самое необходимое, потом мы проводим инвентаризацию запасов в этой квартире, – я хотел сказать в «вашей», но это могло бы натолкнуть её на мысль о пропавших родителях – мы идём ко мне и ждём.

Я не решился сразу сказать, что планирую убраться из города.

– Ждём чего? – спросил подросток.

– Помощи, очевидно, – я развёл руками, как будто она спросила глупость.

– А что с моими родителями?

– Узнаем всё у военных. Наверняка у них есть какая-то статистика.

– А где они были всё это время?!

Неожиданно в девочке проснулся самый настоящий гнев, я даже немного напрягся.

– Не знаю. Но не могла же огромная страна взять и вымереть вот так сразу. Десятилетия холодной войны: у нас колоссальная инфраструктура, так что и не такое пережить можем.

– Да, только где гарантия, что к этой инфраструктуре допустят всех? – ответила девочка.

Я мысленно поднял уже две брови. Девочка умна не по годам.

– Давай пока делать, что можем, – сказал я.

Всё ещё злыми глазами, отчего она была похожа на ядовитую змейку, она посмотрела на меня, потом оторвалась от твёрдой поверхности табуретки, грациозно повернулась и пошла в одну из комнат.

Я стал раскрывать и опустошать полки. В холодильнике нашлись овощи и яйца. Я тогда уже понял, что вкус нормальной еды мне вряд ли когда-нибудь доведётся почувствовать снова, поэтому обрадовался находке как чему-то родному.

Через десять минут Жанна уже была готова.

– Выходим? – спросил я.

– Выходим.

– Ты точно всё самое необходимое взяла?

Девочка отчего-то покраснела и коротко взглянула на меня.

– Да, всё, – опустив глаза ответила она.

Прежде, чем выйти, я решил осмотреть её комнату.

– Что там? – указал я на средних размеров коричневую коробку на длинном шкафу.

– Радио, – спокойно ответила она.

Я диким взглядом посмотрел на неё.

– Возможно, это наш последний шанс, а ты его оставила.

Для поколения, родившегося в двухтысячных, радио являлось совершенно бесполезной и чуждой вещью.

– Принеси табуретку, – командовал я, а потом подумал, что не стоило этого делать: эти дети не реагируют на командный тон.

Но девочка была очень умна и по-видимому понимала в каком положении находится.

Расчихавшись от пыли, я спустился с коробкой в руках. В ней оказался ком жёлтой обёрточной бумаги из тех, что дико шуршат и завернутый в неё небольшой, серый приёмник.

Мы переглянулись.

Из аппарата не торчал шнур – ему требовались батарейки.

Я взял радио подмышку, в руки – пакеты с долголежащими продуктами, Жанна взяла по пакету своих вещей в каждую руку, и мы пошли к выходу из её квартиры.

На радио

Постепенно я готовил нас к отъезду. В основном, правда, морально. Главной проблемой было то, что девочка рассчитывала на встречу или хотя бы поиск родителей, что совершенно не входило в мои планы. Нужно было как-то подвести её к тому, что мы должны просто уйти. Насильно в таких условиях никого не утащишь – мы должны быть командой, чтобы не быть сожранными. Уходить без неё я не хотел. В моём мозгу постепенно начинали выстраиваться мысли о будущем человечества, и появилось смутное ощущение, что эта девочка может сыграть какую-то роль. Так что она ещё понадобится. Причём как можно более здоровой.

Жанна довольно быстро освоилась в моей квартире, но по её глазам было видно, что мысли о родителях не покидают её прелестную голову. Заговаривать с ней об отъезде было страшно.

Меня одновременно и радовало, и раздражало то, что Жанна не боится меня. Раз доверившись, она дальше не задавала никаких вопросов о том, что и для чего я делаю. Её появление казалось мистикой, подарком судьбы. Одно могу сказать точно: во всей этой ситуации было что-то особенное, что приковывало к девочке моё внимание больше, чем просто к элементу смутных пока планов о будущем. Девочка становилась для меня чем-то особенным. То, что называют душой, потянулось к ней, обнажая корни.

Пропавшие родители были единственным источником её недоверия ко мне. Ей явно очень не нравилось, что я занимаюсь чем угодно, кроме наведения справок. Не знаю, как она себе это представляла: что я буду бегать по улицам и спрашивать у мертвецов не видели ли они Евгения и Александру Селиверстовых? Но Жанна явно хотела, чтобы я предпринимал какие-то действия. Под этим предлогом, я слушал радио. Правда, искал я в основном крупные правительственные излучатели, где можно было поймать хотя бы намёк о точке сбора, об охраняемых войсками России лагерях беженцев, короче любую информацию, которая бы помогла мне выбраться.

Нужно было выжить, и я делал всё для этого.

Тихими вечерами, когда солнце уже опускалось за стены домов, а бледные питерские ночи ещё не принимали эстафету у сумерек, мы сидели у занавешенного окна на кухне, пили воду с сушками, которых в её квартире оказалось в избытке, и слушали тихое-тихое, чтобы не привлечь внимание мертвецов снаружи, шипение радиоприёмника, периодически прерываемое болтовнёй разносортных проповедников про предсказанный в Библии скорый суд над смертными, второе пришествие Мессии и прочее.

– Почему я не видел тебя раньше?

– Не знаю. Я тут три недели жила. Я тебя видела: всегда ходил, смотря куда-то в никуда, закинув руки за спину. Моя бабушка купила тут квартиру, в деревне ей стало сложно одной. Раньше я всегда в деревню к ней ездила, но дедушка умер, пришлось перебираться в город. Родители меня к ней привезли погостить. А дальше началось это.

Почему они восстали? За время поездки по огромному куску суши, который до падения человечества назывался Россией, я узнал свойства этих созданий, но не причину их появления. Может, некая сверхсила, которая разводила и вела человечество, решила, что эксперимент окончен и попросту стала очищать планету? Если так, то избранный способ подходит для людей больше, чем огромный астероид – люди очень живучи.

Не знаю как, но Жанна чувствовала, что именно я ищу среди радиопомех. У меня не особо богатый опыт общения с женщинами, но, судя по тому, что я слышал, у них очень развита интуиция. Каким-то образом она улавливала цель прокручивания колёсика на сером аппарате. Девушка держалась несколько дней с тех пор, как я вставил в него батарейки. Это такие вытя-

нутые шутовины, которые впихивали в приборы, чтобы дать им энергию. Но в итоге не выдержала и почти со взрослым гневом стала высказывать.

– Ты ведь не собираешься искать моих родителей?

У меня была масса мыслей, я мог соврать тысячью разных способов, мог запутать её мысли и даже заставить её забыть о своём вопросе на какое-то время. Но детей, если и можно обмануть, то на очень короткое время. Да и незачем тогда уже было.

– Нет.

Она помолчала какое-то время, стоя около меня, неосознанно уперев кулачки в бока. Я как раз ушёл с предыдущей вещательной волны: радио шипело и хрипело на все лады. В густом сумраке кухни мне показалось, что её вишнёво-красные губки раздуваются. Мой ответ прозвучал как страшный приговор.

– Почему?

У меня даже ком в горле на секунду встал.

– Думаю, если бы у них был шанс вернуться, они бы вернулись.

Девочка всхлипнула.

– Но ты подожди, не расстраивайся. Тут одно из двух: либо они уже бегают там, – я показал большим пальцем за окно, решив идти напролом, потому что нужно было скорее покончить с этой темой – либо они уже в хорошо охраняемом лагере, пьют горячую похлёбку с чёрствым хлебом.

В последнее мне и самому хотелось верить: наличие солдатской полевой кухни означало наличие солдат с оружием поблизости, а в таких условиях восстанавливать человечество куда проще, как я думал в самом начале.

Жанна расплакалась. Она приложила руки к лицу и, всхлипывая, стала медленно опускаться лицом на стол, пока не легла на него, обхватив голову руками. Эта первобытная детская энергия и та честность, с которой девочка отдалась своей скорби почему-то вызвали у меня эрекцию.

Мне захотелось успокоить её. Но не только. Мысль, что она своим шестым чувством уловит моё тайное намерение, смущала меня, не давала расслабиться и просто поддаться порыву успокоить ещё совсем юное создание, недавно потерявшее своих родителей. В конце концов, мне и правда было жаль её. Мои родители ушли рано, и эмоциональная атмосфера в семье при их жизни была не вполне здоровой, но всё-таки во мне отыскалась капля сочувствия.

Я приобнял девчущку. Её отзывчивость поразила меня до рвотного порыва: она приблизилась ко мне, обхватила своими тонкими ручками, прижала свои маленькие груди к моим рёбрам и положила голову со спутавшимися волосами мне на грудь. Тогда я серьёзно усомнился в женской интуиции: то, что закипало внутри меня было для неё опасным.

Она присидела так около десяти минут. На расплывчатом в слабом свете сумерек лице отступившие, наконец, рыдания оставили блестящие потёки. Внутренняя боль оставляет на внешности человека порой более отчётливые следы, чем физические увечья. Когда Жанна оторвалась от меня, это была, как мне показалось, уже не совсем зелёная девочка, а юная личность с твёрдым, осмысленным взглядом, носящая в себе горечь и смирение с утратой.

Если бы она в тот момент знала, что я испытываю, помимо сочувствия, я думаю, она бы ушла, невзирая на отсутствие шансов выжить в одиночку.

Короткое и дождливое питерское лето клонилось к закату. Ночи стали заметно растягиваться, а дни оставляли нам всё меньше и меньше времени, чтобы насладиться мутными светлыми часами в наглухо занавешенных комнатах.

Где-то в начале второй недели нашего сидения к однообразной пище и пребыванию в замкнутом пространстве добавилось ещё одно отвратительное обстоятельство, которое заставило меня проводить за радиоприёмником больше времени: смрад. Поначалу волнообразный, заносимый порывами ветра в приоткрытые совсем чуть-чуть, чтобы не увидели мародёры,

окна, со временем он стал тяжёлым и постоянным. Ходячая дохлятина разлагалась буквально на глазах. Это было видно даже через узкую полоску между шторой и окном.

Последние августовские потуги лета превращали машины смерти в мясную кашу, отваливающуюся от костей. Едкая, токсичная вонь не оставляла шансов немногочисленным выжившим. Теперь мы с Жанной не снимали влажных повязок с лиц, а прежде, чем съесть очередную ложку консервов приходилось задерживать дыхание. Но даже через эти импровизированные маски из бинтов и ваты, отрава доходила до наших лёгких и оттуда проникала в кровь.

Постоянное головокружение, слабость и тошнота превращали в ходячих мертвецов нас самих.

В один из последних августовских вечеров мы сидели у закрытого наглухо окна в душной из-за дневной жары и отсутствия циркуляции воздуха кухне, прислушиваясь к шумам радиоволн.

Теперь даже постапокалиптические бредни доморощенных проповедников стали редкостью. Не понятно, что с ними происходило. Я даже предположил, что их отлавливали мародёры, устанавливая их местоположение по источнику сигнала, но потом решил, что такие сложности были ни к чему: было много просто пустующих квартир. Непонятно было и то, куда подевались все государственные и околосударственные структуры: не было слышно ни официальных каналов МЧС, ни военных, вообще никого. Такое чувство, что они выключились вместе с электричеством. Отдельные разрозненные сообщения, прорывавшиеся в общем шуме, не вызывали доверия.

– Кем были твои родители? – из-за плохого самочувствия и маски мой голос звучал глухо.

– Отец хирург, мама была дизайнером.

Голос Жанны звучал очень слабо.

– Оба были на работе, когда всё началось? – спросил я.

– Да.

Я не знал, какие эмоции вызовет в ней разговор о родителях, но это уже было не особо важно. Главное было вырвать её из оцепенения и токсической апатии. Глаза Жанны склеивались, но не только от сонливости – ещё от гноя. Отравы, циркулировавшая в нашей крови, постепенно стала прорываться наружу в виде всевозможных выделений. Не представляю, что чувствовало это юное создание, если моё собственное тело было противно мне самому.

– Мы умрём здесь, – безэмоциональным голосом сказала она.

Я молча крутил колёсико приёмника.

В тот момент было всё равно: умрём мы или нет. Было тошно от самого себя. Особенно тошно от того, что со всем багажом прочитанного и заочно пережитого, я сидел как мешок картошки и ничего не мог сделать. Всё-таки книжный опыт никогда не заменит настоящего, что бы там не утверждали ванильные интеллигенты.

Под монотонное шипение радио я погрузился в токсическую дремоту.

Зов

– Вот так, живёшь-живёшь, а зомби-апокалипсис всё не наступает, – усмехнулся я в пустоту – Мы никогда не ценим то, что имеем. А тем счастливицам, что этому научились, можно до кровавой пены на губах завидовать.

В тяжёлых снах мне являлись мысли. Но это были не светлые воспоминания о прошлом, которых у меня почти не было, а фрустрация и горечь от того, что я не пользовался возможностями погибшего общества, когда у каждого была возможность развернуться без грязи под ногтями. Понадобился ад на земле, чтобы я начал активно действовать. С этим поражением я живу и теперь, когда пишу это, и буду нести это бремя, пока не умру.

В просветах между тупым тяжёлым сном я заставлял себя вставать и что-то делать. С Жанной было тяжелее: она почти не могла сама передвигаться от тотальной интоксикации организма. Однажды я заставил её убираться в квартире, чтобы чем-то её занять. На короткий период это помогло, но в итоге она потеряла сознание.

Казалось странным, что сотовая связь и электричество выключились. Такое чувство, что сотрудники сотовых операторов и энергетических компаний крутили педали, чтобы энергия и связь поступали в города. Насколько я знаю, большая часть энергии в России вырабатывается атомными станциями, которые вполне могут работать автономно какое-то время, да и сами по себе являются закрытыми объектами, в сущности крепостями. Едва ли ходячие трупы туда пропустят. Если там, конечно, не образуется очаг, ведь кто-то же восстал первым.

Скорее всего отключение всех коммуникаций было связано с решениями властей. Только к чему и зачем это было, мне до сих пор так и не стало ясно.

На радио мы уже не обращали внимания. Даже его шипение стало настолько привычным, что его как будто не было.

Сложно сказать, сколько прошло времени. Было приблизительно начало сентября, когда мы всё-таки покинули город.

В один из сумрачных губительно-смердных вечеров, когда мы с Жанной сидели у заштопленного окна (мы тогда уже не из-за радио там находились, а просто так – по привычке) из колонок раздался резкий, впивающийся в мозг командирский голос, от которого даже я почувствовал себя бодрым.

– Говорит майор российской армии Коненков! Через день в двенадцать часов дня большая группа выживших под руководством офицеров армии будет выдвигаться из Петербурга! Отход будет идти с Народной улицы, с правого берега Невы! Добирайтесь до станции метро Ломоносовская, там перебирайтесь через мост! Подходя к мосту, держите руки высоко – солдаты должны убедиться, что вы люди! Идите медленно, те, кто будет нестись, будут приняты за *троглодитов* и расстреляны на месте! Брать с собой только необходимое и максимальное количество еды! Впереди осень и зима, берите обувь и одежду, никаких фамильных ценностей и мебели – теперь всё это не нужно! Повторяю: большая группа беженцев отходит послезавтра в полдень...

Ночной эпизод

Где-то на улице раздались крики. Я вскочил, но сильное головокружение заставило меня сесть обратно. За окном что-то происходило, похоже кто-то пытался пройти по улице.

Я не надеюсь, что вы меня поддержите в описываемых мной далее поступках, в общем-то мне безразлично ваше мнение. Я пишу это, чтобы сохранить для вас память о тех днях, чтобы эта книга служила для вас источником знаний о прошлом и немножко о том, каких поступков не нужно совершать в настоящем. В вашем настоящем. А дальше – ебитесь как хотите, меня это уже не касается. И не говорите, что тут слишком много слов «Я» – ведь это мои воспоминания, моё прошлое и мой мир.

На этот раз я приподнялся медленно, опираясь о стол, отодвинул штору и присмотрелся. В свете луны видно было плохо, но общая картина происходящего запечатлелась на сетчатке моих глаз.

Группа вроде бы молодых людей, включая нескольких женщин, бежала по улице между каменных стен домов. Из пасти арки, ведущей в колодец³ за домом, высыпала орда троглодитов и, всей массой навалившись на ближайшего к ним мужчину, погребла его в шевелящейся тьме. Следующей жертвой стала, судя по визгам, женщина. Её крик был слышен даже сквозь тройной стеклопакет моих окон. Оба случая стали неожиданностью для бегущих, но, что я сразу же про себя отметил, у них был реальный шанс уйти, если бы дверь хотя бы одной парадной оказалась открытой...

Всё это происходило прямо перед моими окнами, но было темно, так что кое-какие детали ускользали из поля зрения. Их медленный бег, поначалу принятый мной за следствие усталости, на самом деле был спровоцирован заботой об одном члене их группы. Одна девушка или женщина – не знаю, несла на руках прижатый к груди свёрток. В какой-то момент я разглядел вытянутые предметы – что-то вроде жердей или вёсел в руках мужчин, видимо этим они не подпускали к себе из-за разложения потерявших скорость и силу трупов. Порождения смерти двигались и выглядели гораздо хуже, чем в первые дни: последние недели жары и бактерии-трупоеды хорошо потрудились. Однако те, что висели в питерских дворах-колодцах в тени деревьев и камня ещё могли достать уставших беглецов.

Нужна была всего лишь одна открытая дверь парадной...

Не стану лукавить, что внутри меня шла борьба. Никаких противоречий, кроме уколов совести – той самой, которая эмоции, не было. Я знал, что эти люди ещё и с ребёнком на руках станут обузой. У нас было слишком мало еды, поэтому я цинично рассудил, что лишние рты нам не нужны. Вероятность, что выживут все была крайне мала. К тому же тогда не было информации о памяти троглодитов, как назвал их тот майор на радио: запомнят они куда вбежали эти люди или нет, я не знал, поэтому не спустился вниз и не открыл им дверь.

Волна тьмы, выползшая из колодца, стала расширяться в сторону центра улицы, где бежали люди. Когда она перехлестнула через двоих, уже полусъеденных членов группы, верёвки копошащейся мертвечины потянулись в сторону моего дома и чуть в сторону – по направлению к бегущим. Люди почти скрылись из моего поля зрения, пришлось перейти на другую сторону окна, чтобы видеть происходящее. Когда я обходил стол, стоящий вплотную к окну, из-за темноты и от того, что меня пошатывало, я задел спящую Жанну. Девочка не пошевелилась. Я устремил взгляд наружу, где уже завершалась кровавая сцена борьбы за жизнь.

Видимо, за то время, что я обходил стол, женщина с младенцем споткнулась о неровно лежащий булыжник мостовой. Защитники, выставив импровизированные копья, встали вокруг, пока другая женщина помогала упавшей встать. Та кричала что-то, думаю, что-то свя-

---

³ Двор (санкт-петербургский жаргон)

занное с ребёнком. Вторая ударила её рукой по лицу. Затем первая наклонилась и подняла развернувшийся кулёк. В это время накатила волна самых быстрых, хорошо сохранившихся мертвяков. В принципе, шансов там не было ни у кого.

Первыми под укусами согнулись защитники. Палки – не то, что может остановить орду мёртвых.

Глядя на это, я вновь подумал: а где правительство, где войска? Почему никто не кинет в эту копошащуюся толщу разлагающейся плоти хорошую такую бомбу, чтобы их ошметки развесило по близлежащим карнизам и крышам? Окончательного ответа я так и не получу, хотя кое-что узнать всё-таки удастся.

Я досмотрел всё до конца. До того момента, пока самый последний крик матери и плач младенца на её руках не оборвались и не ушли в резко дёргающееся, тёмное небытие. Когда я отвернулся, меня встретил упорный взгляд Жанны. Помню, он меня тогда жутко взбесил, я чуть не ударил её, сдержавшись в последний момент. Не ей было принимать решение и не ей отвечать за него. Я молча обошёл стол и стал выкладывать на него то, что хранилось на полках.

Сбор

Из-за того, что орудовать приходилось в темноте и из-за физической слабости, вызванной отравлением, всё необходимое было выставлено на стол и, по возможности упаковано, лишь когда рассвет уже осветил нашу уютную, меблированную могилу. До момента, когда лагерь беженцев тронется с места, оставалось больше суток, но я хотел успеть туда пораньше и разузнать как там что. С одной стороны, вооружённые люди притягивали ощущением безопасности в творящемся вокруг хаосе, но с другой – они получали право командовать. Нужно было узнать, что творится в головах этих военных: зачастую вояки, оторванные от материнской структуры власти-подчинения, почти неотличимы от обычных бандитов.

Если быть до конца честным, в процессе сбора ко мне в голову закрадывалась мысль: а не оставить ли эту девочку здесь? Выглядела она очень нездоровой, что повлечёт трудности в дороге и не известно выживет ли она вообще. Но я решил, что для моего неоформленного пока замысла очень трудно будет найти другую столь же подходящую кандидатуру. Шансы на выживание у неё были всё же довольно высоки, её молодой организм быстро очистится от яда, если поместить его в нормальные условия. Нет, оставить её было бы ошибкой.

Из многочисленных упаковок разных круп я взял, как мне казалось, самые питательные: гречку и овсянку – это мы будем есть в лагере, потому что вряд ли многие из его обитателей захотят делиться своим скудным провиантом. Не было консервов, которые можно есть, не разводя костра. В связи с этим мне в голову пришла одна мысль.

– Жанна, проснись, – сказал я тихо, чтобы не напугать, теребя её за плечо.

Девушка отозвалась невнятными стонами, слегка приподняла голову, а затем снова откнулась в сложенные на столе руки.

– Жанна, поднимайся, – уже более настойчиво сказал я.

– Что? – спросила она слабым голосом.

– Нам нужно кое-что сделать. Мы должны сделать это вдвоём.

– Что *это*?

– Встань, пройдишь чуть-чуть, ты плохо соображаешь.

Девочка с трудом, облокотившись рукой о стол, поднялась, прошлась немного по кухне и уставилась на меня.

– Мы в этом подъезде не одни, – начал я – тут живёт одна бабушка и, может быть, у неё есть то, что нам нужно.

– Ты хочешь отобрать у неё еду? – пугающим отсутствием эмоций голосом спросила Жанна.

– Не совсем, – сказал я невнятно – мы возьмём то, что ей не понадобится.

– А почему тогда просто не попросить?

– Потому что эта карга пыталась обворовать меня в тот день, когда я тебя нашёл. И почти уверен, что она попытается сделать это снова, как только мы выйдем отсюда. Этим мы её и выманим: она живёт этажом выше, мы выйдем и спустимся вниз. И когда она войдёт в мою квартиру, мы проскочим в её. Понимаешь меня?

– Да, отлично. Мы ограбим старушку.

– Я возьму только то, что ей не пригодится.

– Откуда ты это знаешь?

Я промолчал.

– А если у неё этого нет? – спросила она.

– Тогда я просто уйду оттуда.

Жанна тянула время, смотрела на меня. Вообще, поражаюсь силе этого взгляда. Меня смутила тринадцатилетняя девочка!

– Ладно, пошли, – наконец согласилась она.

Пока мы шли к двери, её тонкие длинные ноги несколько раз подломились, я подхватывал её, хотя сам при этом покачивался. Её доверчивое объятие оказалось успокаивающим для меня. Не знаю, что: родство ли, установившееся между двумя людьми в смертельно опасной ситуации, ещё что-то, но случайные касания её очень худенького, но гибкого, хотя и ослабленного сейчас тела, облегчали мою душу. То, что мне сейчас предстояло сделать – занятие не из приятных.

Я распахнул дверь своей квартиры, чуть ли не ударом ноги, чтобы старая услышала.

События пошли по несколько иному сценарию.

Я и Жанна медленно спустились по ступенькам вниз, при этом я прошёл чуть дальше, чтобы дорогая соседка решила, что мы спустились на первый этаж. Нужно было ещё хлопнуть дверью парадной, чтобы убедить её, что мы вышли, но это привлекло бы мёртвых гостей, которым не хватило бы мозгов потянуть за ручку, чтобы открыть дверь, но хватило бы общей массы тел, чтобы просто выломать её.

Тихо, на мысках я прокрался обратно, чтобы подождать престарелую мародёршу. Мы оба понимали, что ожидание может быть долгим. То, что последовало дальше, было уже вне рамок привычного нам погибшего общества.

Буквально сразу, как я оказался на пустом лестничном пролёте рядом с покачивающейся фигуркой девочки, я увидел спускающуюся по ступенькам тень старухи с топором. Эта карга была готова на всё ради выживания! При её возрасте в таком воздухе ей осталось жить две недели не больше, но бабка упорно цеплялась за жизнь. Она шла к нашей двери, особо не глядя по сторонам – она была уверена, что никого нет. В конце концов мы были молодыми и могли решить побегать наперегонки с мёртвыми на улицах Петербурга. Но то, с какой скоростью она воспользовалась предоставленной возможностью, меня искренне поразило. Выходит, что она специально сторожила нас!

Я кивнул головой. Жанна поняла всё сходу, взяла меня за руку, мы стали подниматься, медленно переставляя ноги со ступеньки на ступеньку, чтобы не шуметь.

В квартире старухи пахло так, как пахнет вообще у всех стариков, даже самых чисто-плотных. Мне как-то доводилось бывать в доме для престарелых – этот запах ни с чем нельзя спутать. Он состоит из старческого запаха тела, чаще всего содержит нотки аромата квашеной капусты и прогорклого масла, на котором жарятся макароны. Всё это было и тут, но теперь к нему примешивался запах мертвечины с улицы, так что меня затошнило ещё сильнее, я согнулся пополам, снял марлевую повязку, и наблевал прямо на входной коврик старухи. Теперь скрыть следы нашего присутствия здесь было невозможно. Меня это даже развеселило: пусть карга знает, что не только она может проникнуть в чужое жильё.

Я не пошёл сразу на кухню, а остановился в прихожей, напротив входной двери, чтобы смягчить для Жанны мысль о мародёрстве. Там была вторая дверь – в кладовку. Толкнув её, вместо веников и совков, я разглядел целый склад еды старой ведьмы: стройные ряды жестяных банок, рассеивая слабый свет на десятки тусклых отблесков, доставали до потолка. Я взял одну из них. Розовая, вытянутая корова оповестила меня о том, что это говяжья тушёнка. Центнер тушёнки! Старая перечница хранила целый склад тушняка и пыталась пробраться к нам в квартиру, чтобы добыть ещё чего-нибудь!

Старуха не имела достаточно сил, чтобы унести много из моей квартиры, а всё, что она могла унести, стояло упакованное прямо на столе, так что действовать надо было быстро. Я зашёл на кухню и там нашёл упаковку спичек в целлофане и вытянутый предмет, похожий на электрическую зажигалку. На обратном пути я зашёл в импровизированный мясной склад старухи и захватил несколько банок.

Дверь отворилась, на заблёванный коврик чапнула нога в поношенном дермантиновом тапке и серо-бурым чулке, сложившимся на щиколотке гармошкой. Мы смотрели на её появ-

ление как загипнотизированные. Паралич неопытного вора, застигнутого на месте преступления, охватил нас со страшной силой и заставил бояться немощную бабушку. Тогда я был ещё охвачен путами, которые накладывает на нас общество.

От усердия (она несла несколько пакетов нашей еды) она не сразу оценила ситуацию, похоже, чавканье коврика её даже удивило. Что-то промелькнуло в её глазах только тогда, когда я окончательно вышел из кладовки пошёл к ней быстрым шагом, от которого, правда, у самого, кружилась голова. Боевая бабушка выронила сумки и перехватила, двумя руками топор, который не выпустила, даже когда тащила еду. Но больше она ничего сделать не успела: я отобрал у неё оружие дровосеков и коротким, но мощным размахом всадил тёмное лезвие ровно в середину лба, так что его нижний край застрял между бровей. Это был конец старухи-мародёрки.

Не говоря ни слова, я сложил тушёнку в брошенные бабушкой пакеты с нашей едой, поднял их и мотнул головой Жанне, чтобы взяла ещё банок, и, оскальзываясь в крови и своей блевотине, вышел за порог.

Окончание подготовки

Было уже светло, когда мы закончили приготовления. Вслед за убийством старухи пришёл шок, как от прыжка с крыши с верёвкой. Меня трясло, и ментальные силы, казалось, выпариваются из тела вместе с ледяным потом. Это было наказание с задержкой, которое било меня за совершённое преступление.

Как при обычной спешке перед отъездом куда-нибудь в отпуск не обошлось без ругани – так, спорили о том, что куда складывать. Правда, говорил в основном я, так как Жанна была не в состоянии что-либо доказывать. Это напоминало семейный сбор, когда самолёт вылетает через два часа, а вы ещё не упаковали даже свои трусы.

– Ёбтать! – крикнул я, подняв руку к потолку в жесте «что за?!» – Почему эти продукты до сих пор в пакетах?

– А где они должны быть? – слабым голосом, в котором, однако, слышалась злость, спросила моя юная спутница.

– Да где угодно, у чего есть наплечные лямки, – сказал я.

В голове щёлкнуло.

– У тебя ведь есть школьный рюкзак?

– Да.

– Он дома?

– Я вернулась из школы с ним...

– Отвечай просто: да-нет.

– Да.

– Сходи за ним.

Когда тихие шаги Жанны затихли, я встал посреди кухни, подперев руками бока, и осмотрелся.

Помещение кухни ныне напоминало разграбленный склад. Стол был сдвинут в угол, табуретки и уголок были завалены припасами, которым предстояло отправиться с нами. В основном это были пакеты с крупой, но в центре стола, как сокровище из железа, ценимого в древние времена выше золота, стояла горка банок из жести с запечатанными внутри кусками вожделенного в трудной дороге животного белка. Хотелось взять больше, но рюкзаки были бы слишком тяжёлыми. Один пакет крупы – это около шести, а если экономить, то и десяти мисок каши, а одна банка тушёнки – это лишь десять вилок мяса.

В школе нас выводили в походы, поэтому в моей кладовке завалился довольно объёмный походный мешок. Рюкзаком его было назвать сложно, так как у него не было твёрдых стенок – это были тканевые шторки из тонкого непромокаемого материала, но если набить его грамотно, то это был великолепный инструмент для долгих прогулок на свежем воздухе.

Тушёнку и прочие компактные, но тяжёлые вещи я сложил вниз, а дальше стал впихивать в раздувающийся чёрный пузырь вещи по мере убывания их массы: чем легче предмет, тем ближе к горлу мешка он ложился.

Что характерно, ничего из приобретённых навыков прошлого я не забыл. Точнее не так: они всплывали в моей памяти, перетекая в руки по мере того, как я совершал действия по подготовке и сбору нашего отхода.

Пока я расфасовывал всё по мешку и маленькой кожаной сумке, вошла Жанна. Она подошла так тихо, что я чуть не ударил её тем, что подвернулось под руку. В руках она держала только что снятый с плеч модный рюкзак, набитый чем-то под завязку.

– В моей квартире ничего, что пригодится в дороге не оказалось: родители не любили загородный отдых. Но я зашла к той старухе, – смущённо сказала она.

В школьном рюкзаке шестиклассницы оказалось ещё несколько упаковок спичек в целлофане, которые я не заметил из-за спешки: старуха должна была вернуться с минуты на минуту, но большая часть его пространства была забита желтовато поблёскивавшими банками тушёнки.

Этого я не ожидал. Я представил себе, как она заходит в квартиру, перешагивает через труп старухи с торчащей из головы рукояткой топора, идёт к ней в кладовку, набирает запасы еды убитой, прекрасно осознавая, чем она занимается. Это не укладывалось в мои представления о детской психике. Не знаю, как я бы поступил на её месте, но почему-то мне кажется...

– А ты не думала, что она тоже может обратиться? Что она ждёт тебя за закрытой дверью?

– Н-нет... Об этом я как-то не подумала.

Она очень мило опустила прелестные синие глаза в пол.

– Давай сюда. Хотя всё это мы взять не можем.

Мешок пришлось разбирать до самого основания. Было уже около полудня. Много бы упростилось, если бы у меня были часы со стрелками, которые работали бы от батареек или от заводного механизма, но определение времени по стрелкам вызывало у меня затруднение, поэтому я не держал таких часов, предпочитая электронные аналоги. Около полудня было *по моим ощущениям*.

Переложив рюкзак, я помог собрать рюкзачок Жанночке, как будто приличный родитель, собирающий дочурку в школу. Со стороны это могло бы так и выглядеть, если бы не повсеместный бардак и повязки у нас на лицах.

В её характере было что-то... Кокетливое. Мне казалось, что порой она прижималась ко мне излишне, нежели это должна делать тринадцатилетняя девочка по отношению к старшему покровителю, от которого зависит её жизнь. Может в этом и нет ничего странного, в конце концов в тринадцать лет у девочек уже пробуждается природа, и она вполне могла действовать в соответствии с природным алгоритмом, не осознавая этого. Не знаю. Что было потом, было потом.

Осмотревшись, я почувствовал не облегчение от того, что кропотливая работа по сбору, стоившая содранной в кровь кожи вокруг ногтей, закончена, а страх и неуверенность. Теперь начиналось страшное. Мы прощались с жизнью в четырёх стенах. Там, за окнами ждёт что-то другое. Неизвестное. То, от чего придётся прятаться не известно где, добывать еду не известно как, спать на чём попало. Пока это были только призраки предстоящего, я не знал каково это всё на самом деле, потому что по-настоящему мы чувствуем лишь то, что ранит, цепляет за живое. Ты читаешь это как историю, ты не испытывал реального страха смерти. А если бы испытал, то не стал бы это читать, потому что никакие слова не опишут состояния дикости, отсутствия информации, враждебности окружающей среды за городскими домами. Мы ушли от этого тысячи лет назад, переехав в большие города, а теперь мы снова к этому вернулись.

Вот и я тогда не знал, и мне не хотелось уходить, покидая пахнущий разложением призраком комфорта.

Дорога к лагерю

Перед дверью мы переглянулись. Это был взгляд двух человек, прикованных к одному камню, который должен вот-вот сорваться на дно. Следующий за сбором час мы с Жанной потратили на обсуждение плана действий. План был прост: мы выходим на крышу, осматриваем пространство вокруг, выбираем наиболее безопасный маршрут до ближайшей открытой машины, добираемся до неё, заводим и жмём на педаль газа до самого лагеря. Всё казалось просто.

Отчего-то чувствовался подвох. Распространение заразы было очень быстрым, но почему никто не пользовался машинами? Это было сложно понять, но не заметить было ещё сложнее. Ни я, ни Жанна не заговаривали об этом, как бы оставив это за скобками. Обоим не хотелось нарушать стройность выбранного плана. Может, тебе интересно почему люди порой ведут себя подобным образом? Трусость.

В плане побега из собственной квартиры я также пытался учитывать нашу физическую слабость. Не знаю, на сколько хватит сил у одного не очень спортивного, почти тридцатилетнего человека и тринадцатилетнего подростка, надышавшихся трупным ядом. Сколько в таком состоянии можно пробежать, прежде, чем лишишься сознания и станешь пищей для плотоядных трупов? Даже в последний момент перед выходом из нашего убежища пришлось дать себе короткий отдых, потому что сбор и размышление над планом утомили нас.

– Ну... Готова?

– Готова, – ответила Жанна.

Откуда у неё взялся этот уверенный тон?

Я открыл дверь.

На металлической лестнице верхнего этажа, почти отвесно впившейся в побелённый потолок, валялась перекушенная цепь – попытка муниципальных властей перекрыть путь любителям пошляться по крышам. Проход в потолке вывел нас на технический этаж, где было очень пыльно и темно. Там оказалась ещё одна лестница, но она шла под привычным углом и обрывалась площадкой перед ржавой дверью на крышу. Я аккуратно толкнул её, и дверь почти без сопротивления подалась вперёд. А впереди нас ждал пасмурный петербургский день – тень начинавшейся осени. Но было всё ещё тепло, так что жуткая вонь, парившая над городом, была тут как тут – рассчитывать на то, чтобы снять повязки и глотнуть свежего воздуха не приходилось.

– Посмотри, что в колодце, я гляну на улицу перед домом.

Жанна кивнула, пошла к краю крыши, который нависал над колодцем.

– Постой.

Жанна остановилась, повернулась ко мне.

– Не дай себя увидеть.

Она молча отвернулась и пошла дальше.

Я приблизился к краю на четвереньках, сбросив рюкзак посреди крыши. Там творилось настоящее мракобесие. Чудовища на распухших от тления ногах стояли на одном месте, плясья вникуда своими остекленевшими глазами. Что они там делали? Что ими двигало? Никакого голода, это понятно: у большинства кишки мотались по земле. Что тогда? Что породило это чёрное зеркало жизни?

Вдалеке было припарковано несколько машин, но почему-то соваться на улицу, даже с учётом того, что эти создания уже были здорово тронуты тлением, не хотелось. Они не чувствуют боли, у них нет естественных тормозов, которые удерживают нас от движения, которое может порвать мышцы и сухожилия. Эти существа – мертвяки, троглодиты существуют, чтобы распространять себе подобных, занимать пространство и больше ни для ничего. Ничего

не производить, а лишь уничтожать. Я, помню, посмотрел на небо... Оно было серым. Серым, холодным, вот-вот заплачущим. Там не было птиц. Птицы?

«А куда делись птицы?! – пришёл мне очевидный вопрос впервые с начала всего этого – И где все остальные животные?»

Я стал параноидально оглядываться: нигде не было ничего живого. Только эти пародии на человека внизу. Было тихо как в могиле, даже тише, потому что в свежей могиле, если хорошо прислушаться, можно услышать чавкающие звуки передвигающихся внутри тела червей. А тут... Полная тишина в огромном мегаполисе. Ни-че-го. Мёртвая тишина. На фоне громадины города она казалась оглушительной.

– Что случилось с этим миром? – спросил я вслух.

Мой взгляд упал на пятна запёкшейся крови на месте, где происходила борьба выживших за женщину с ребёнком. Вокруг столпились восставшие из мёртвых мужчины. Определить, что это мужчины можно было только по обрывкам одежды. Толпа, набросившаяся, на них была слишком большой, чтобы оставить в целостности даже их кости. По сути, это были ободранные скелеты с верёвками мышц. Они уже почернели и смотрелись тошнотворно. Младенца не было.

Меня замутило, опустившись на край крыши я подумал, а не прыгнуть ли вниз головой? Но лучше попробовать и рискнуть, чем просто так сдаться. Умереть всегда успеешь, пока живой надо стараться что-то делать. Причём делать лучше всех. А передо мной сейчас развернулось огромное пространство для деятельности. Нужно найти укромное место и возродить людской род. Я посмотрел на Жанну.

– Что там?

– Там почти пусто, только стоят эти, – она указала на группу раздутых человеческих туш внизу, сгрудившихся в углу колодца – а так проход свободен.

– Если не привлечём внимание, сможем пройти на противоположную сторону.

– А что там? – спросила Жанна.

Мне не хотелось отвечать «Не знаю».

– Там был супермаркет – шанс, что там есть машины выше. На нашей улице прямо около парадной их нет.

Она замолчала.

– Пошли, – сказал я.

– А если там нет машин?

– Будем идти дворами, – ответил я первое, что пришло в голову.

Нужно было уходить отсюда любой ценой. Если нас что-то серьёзно задержит в пути, то завтра у нас будет половина светового дня, чтобы добраться до лагеря прежде, чем все уйдут.

Жанна задержалась на краю крыши, глядя на троглодитов в углу.

– Что там? Идём.

Мне показалось, что в последние секунды она смотрела не в угол, а в центр колодца, где была коробка для игр с мячом, которую зимой заливали и катались в ней на коньках.

Спускаться по лестнице с рюкзаком за спиной было невозможно, потому что лестница была ограничена загнутыми металлическими рёбрами, наподобие водных горок в аквапарке. Пришлось прыгать вниз на одной руке как трёхлапая собака, держа над собой тяжёлый походный мешок. Прежде чем спуститься окончательно, я оглядел переулок, в который выходила лестница. Было пусто.

За девочкой пришлось подниматься – для неё такой спуск был слишком сложен.

Эти усилия сопровождались учащённым дыханием. И чем чаще и глубже я дышал, тем сильнее яд пропитывал мою кровь. После второго спуска я сел на землю. Жанна, спускаясь, чуть не встала мне на голову.

Отдышавшись, я взял рюкзак и пошёл во двор. Сил хватало только, чтобы думать о маршруте и трупях, что стояли в углу колодца. Девочка должна учиться понимать меня без слов.

Мы шли между крашеными стенами переулка, было тесно и страшно. Где-то за углом нас ждали. Точнее не ждали, даже не охотились, а просто стояли враги всего человечества.

Кучка этих отродий стояла как раз справа от переулка, из которого мы выходили во двор. Они стояли друг напротив друга, все четверо, как манекены. Лица двоих смотрели в переулок, так что потенциально могли нас увидеть, двое других стояли к нам спиной. Я выглянул, прислонившись спиной к оштукатуренной кладке. Стало холодно. Мышцы подрагивали, дыхание стремилось застрять в лёгких. Сердце и яйца сжимались как в ледяных рукавицах. Как назло, не было никаких камней или других предметов, которыми можно отвлечь опасных существ. Оглянувшись, в глазах девочки я увидел такой же страх. Я собрался и медленно кивнул, указав головой на низкую стенку спортивной коробки. До половины она была из досок, но выше – между длинными металлическими столбами была натянута металлическая сетка. Нужно было добраться до ограждения и спрятаться за нижней частью, тогда наши шансы остаться незамеченными серьёзно повышались.

Я сделал глубокий вдох и струя отравленного воздуха ворвалась мне в рот сквозь маску, осев на дёснах горьким осадком. Мандраж усилился, и я не мог его подавить. Всё, что нам осталось – это двигаться вперёд.

Глупо умереть от продуктов чужого разложения, парящих в воздухе.

И я махнул рукой.

Она понеслась так, что чуть не опередила меня. Я бежал на полусогнутых, как это делают военные, перебегая из окопа в окоп. Смотреть в сторону стоянки трупов было страшно. Вот-вот они увидят, повернут бошки, понесутся, как ожившие манекены: безмолвно и неумолимо.

Мы сидели, облокотившись на рюкзаки, прижатые к доскам коробки. Живые.

Я кивнул головой, показывая «идём дальше». Девочка, как послушная кукла, развернулась и, отключив зад перед моим лицом зад, зашагала вперёд. Мы были уже на середине ограждения, когда я услышал звон сетки. Не оглядываясь, мы продолжали двигаться дальше – до конца деревянной стены оставалось метра три. Воздух порвал звук. Это было что-то похожее на рёв старого козла, которого на старости зачем-то решили кастрировать. Но в глубине я узнал знакомые нотки в этом звучании – я понял, что нас увидело за секунду до того, как обернулся. Это был извращённый крик сорванного подросткового голоса.

Наверху металлической сетки, видимо пытаясь её перелезть, висело тело четырнадцати-пятнадцатилетнего мальчика. Тело было закрыто чёрной спортивной кофтой и штанами того же цвета. Кожа лица и рук была синюшне-белая, как мел, но она не была раздута, как у остальных, и на ней не было заметно тёмных пятен гниения, а глаза... Предельно расширенные зрачки и узкая жёлтая оболочка радужки вокруг не были подёрнуты мутной белёсой пеленой. Они смотрели. ОНИ СМОТРЕЛИ, ЧЁРТ ВОЗЬМИ! Этот... Мальчик нас видел. И понимал, что может до нас добраться, преодолев забор сверху, а не проломив его своим телом, как сделали бы другие! Помогло раздолбайство муниципальных властей: верхняя часть сетки была оторвана от столбов, к которой она крепилась, и никто не удосужился прикрепить её обратно. Мальчик болтался на прогнувшемся куске сетки и бешено орал.

Из оцепенения меня вывели мертвяки, которые только что показались из-за угла спортивной коробки – те, которые толпились в углу. Они передвигались медленно: мышцы конечностей прогнили, так что у нас было немного времени.

Будь они свежими, мы бы тогда не ушли – они используют ресурс человеческого тела по максимуму, этим и объясняется их чудовищная скорость и сила.

Уже не скрываясь, мы побежали вперёд – в противоположный переулок. Да, оттуда могли прийти другие. Но что нам оставалось делать?

Кошмар остался во дворе, но впереди был другой. Открытая улица, никаких укрытий. Проезжая часть пустая, местами стоят пустые машины, судя по их виду, закрытые.

Отчаяние, страх загнанного в угол зайца – это всего лишь слова. Ощущение подвешенности в воздухе. Ужас. Вот-вот в тебя вонзятся чьи-то мерзкие, гнилые, покрытые протухшей слюной зубы. Надежда на то, что у супермаркета будет стоять больше машин не оправдалась. Ведь в день Начала была пятница, все уехали за город.

Мы побежали. Просто побежали, не оглядываясь от ужаса, желая вжаться, врасти в землю, залезть в канализацию, укрыться где-нибудь. Животная паника поднималась по горлу вверх, выдавливая из него нечеловеческие звуки.

На открытом пространстве нас легко могли заметить даже почти слепые из-за разложения взрослые мертвяки. Где-то раздался хриплый свистящий писк. Я повернул голову в ту сторону: разбухшая с почерневшим лицом и руками мразь тянулась к нам из какого-то переулка, наподобие того, из которого мы выбежали. А за ним медленно, но неостановимо шли другие чудовища. Жанна вскрикнула. Я махнул рукой, чтобы она замолчала.

Бег. Бег по мёртвой улице мегаполиса, где теперь только мёртвые. Страх. Страх потерять свою, раньше казавшуюся такой скучной, а теперь такую дорогую жизнь.

– Где вы были раньше?! – заорал я в порыве неожиданного, дикого куража.

Я помню, что смеялся до слёз. Такой свободы бегать по улице и орать на прохожих, оскорблять их, а возможно и убить, у меня никогда не было. Это сводило с ума, пьянило.

Я один! Я один! Я могу делать всё, что я захочу! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха. А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-!!!

– Я свободен как Кипелов!!!

В какой-то момент мой взгляд упал на грузовичок с логотипом того супермаркета, мимо которого мы пробежали в начале. Возможно, водитель ехал как раз туда, когда увидел, что творится вокруг, вышел посмотреть или помочь кому-то, и с ним захотели познакомиться поближе новые обитатели Земли.

– Туда, – просто сказал я.

Мой скрупулёзный, сухой до судорог рационализм вернулся, вытеснив бесконтрольный порыв страшного веселья. Я начал думать. И испытал жуткое обламывающее чувство. Вот то, что движет людьми: порыв, стремление к свободе, а все логические конструкты – только средство. Всю жизнь я был подавлен, потому что не мог выплыть на поверхность общества. Но теперь его нет.

– Давай внутрь!

Я оказался за рулём «Газели», Жанна залезла с противоположной стороны, на пассажирское сиденье. И первое крупное везение в жизни: ключ зажигания оказался внутри замка – только поверни.

Грузовичок был старый, нужно было выжимать сцепление, чего я так и не научился делать в водительской школе, решив, что когда-нибудь куплю машину с автоматической коробкой передач.

Я повернул ключ, переключил передачу, стал отпускать сцепление – машина заглохла. Я вернул рычаг на место, повернул ключ снова. Сцепление, небольшое нажатие на педаль газа, машина задёргалась, закашляла и заглохла.

– Поехали! – кричала девочка.

Я посмотрел в окно – ладони вспотели от увиденного. Я стал дёргать рычаг – он не поддавался. Пришлось ударить по нему – тот же результат.

– Ёбтовюмать! – выкрикнул я и тут же вспомнил что надо делать.

Зажигание снова запыхтело, надо было плавно отпустить педаль сцепления, нажимая педаль газа. В паре метров от машины уже тащились раздутые туши горожан.

– Да!!! – заорал я, когда машина тронулась – Да, твою мать! Слава яйцам!

Мы поехали, но проблема в том, что поехали не в ту сторону. Нужно было развернуть неповоротливую машину посреди улицы в условиях, когда отовсюду пёрли мёртвые, а значит машина в процессе не должна встать, иначе всю процедуру придётся проделывать снова.

Я повернул руль в одну сторону, грузовичок поехал вправо, подождав, я начал выкручивать руль обратно.

– Смотри! – крикнула девочка, выставив указательный палец вперёд.

Я затащил с выворачиванием руля, и мы ехали прямо в винтажный фонарный столб.

– Давааай, сука!

Я ударил по тормозам, Жанна врезалась головой в панель, а я набил шишку между бровей о большой руль машины. Она опять заглохла.

Завести её на этот раз оказалось легче, но пришлось искать как втыкается задняя передача на схеме, пропечатанной на набалдашнике рычага.

Пока я приглядывался к рычагу, снаружи раздался скрежещущий звук. Мёртвые пытались влезть в кузов и царапали краску.

– Что ты стоишь, вези нас! – кричала Жанна.

Я молча продолжал разглядывать рычаг. Ещё немного и могло стать поздно.

Передача воткнулась во вращающие шестерни, машина попятилась назад, давя стоящих сзади чудовищ, подпрыгивая и хрустя костями.

Мы совсем немного проехали назад, потом я включил переднюю передачу, машина дёрнулась, я решил, что она сейчас опять заглохнет, но мы поехали.

Вряд ли нас кто теперь оштрафует за разбитый вид машины.

– Так, хорошо, хорошо, едем.

Ехали мы не долго.

Впереди показалось скопление этих тварей – такое густое, что издали можно принять за подвижную массу биоразлагаемых отходов. Вонь стала ощутимо сильнее.

Я жамкнул газ до упора, врезался в копошащуюся орду и понял, что машина скоро встанет.

Мозги, кишки, глаза, пальцы – всё мешалось и сменяло друг друга на лобовом стекле, закрывая обзор, как во время сильного ливня, только вместо прозрачных капель, покрывающих стекло мутной полосой, на нашем было скопление чёрной крови и прогнивших внутренних вперемежку с волосами, раздробленными костями черепа и щёлкающими челюстями.

Всегда мечтал так прокатиться по городу!

Вдруг раздался резкий звук удара металла об металл, нас обоих выбросило наружу.

«Газель», облепленная со всех сторон шевелящейся, копошащейся тёмной массой, пробив чугунное ограждение, погружалась в воду одного из бесчисленных питерских каналов, а может речушки.

Нас вынесло из кабины прямо в середину течения, а то, что я увидел под поверхностью воды заставило напрячься волосяные луковицы у меня на голове в тщетной попытке поднять намоченные волосы дыбом. Всё дно было усеяно торчащими кверху, покрытыми струпьями руками. Это хватка оказалась бы смертельной, если бы мы долетели до дна. Но нас внесло в воду под углом, так что мы как камни, брошенные «лягушкой», прокувыркались по воде и долетели почти до противоположного гранитного берега канала или речушки.

– Не ныряй! – крикнул я Жанне.

Они кивнула, давая понять, что поняла.

С ближайшего теперь к нам берега что-то упало. Я поднял голову. Оттуда через ограду, перелезая через головы друг друга, ломая кости нижестоящих, валились ожившие трупы. Две волны мертвецов с противоположных берегов пытались соединиться, выстроив своеобразный мост из тел.

– Гребите! Надо убираться отсюда!

Жанна и без команды делала это с такой энергией, что можно подумать, что у неё не было никакого отравления.

Я сорвал маску, которая намочла и теперь отжимала холодную вонючую воду мне в рот.

– Отлично, отлично, почти ушли, – сжимая в одной руке пойманный рюкзак Жанны, намокший и тянувший ко дну, и гребя второй, говорил я – скорее себе, чем ей.

Покойники не умели плавать и шли на дно как камни, но если где-то вода станет мельче... Тот склад трупов, что тянул кверху руки в карикатурном жесте мольбы к небу, пополнится двумя свежими телами.

Их неспособность держаться на воде вопреки тому, что обычно мёртвые тела всплывают на поверхность, спасла нас.

Мы гребли изо всех сил, а течение, придавая нам дополнительные два километра в час, помогало уйти от эпицентра столкновения двух мёртвых улиц Санкт-Петербурга, срощенных теперь чудовищным мостом.

Завод

Течение вынесло нас в промышленный район. Гранитные стены, удерживающие поток в выгодном человеку русле, сменились серым заплеснелым бетоном, откуда торчали сточные трубы. Выбраться из этого коридора было невозможно, поэтому мы плыли рядом, периодически подгребая друг другу, если течение нас разносило.

Небольшие раны и ссадины от битого стекла жутко саднили и как-то чересчур едко чесались. Это странно, потому что холодная вода должна притуплять все ощущения, но становилось всё хуже.

Впереди показалось что-то вроде ворот, перекрывающих водный путь в предприятие: ржавая решётка из толстых, металлических прутьев. Недалеко от неё, справа по течению из воды поднимался бетонный понтон, и мы с Жанной подплыли к нему, с трудом работая окочевшими руками и ногами. В понтоне были бетонные ступени, отчего-то уходившие вниз, хотя сам он едва выдавался над поверхностью воды – очевидно раньше уровень воды на этом участке был регулируемым. Подтянувшись на дрожащих руках, я помог выбраться Жанне. Нас трясло. Небольшие раны, которые по идее не должны ощущаться, раздирала едкая боль, как будто в них копошились личинки.

Большую часть вещей мы потеряли в финале короткого заезда: рюкзаки мы снимали, чтобы сесть в машину. Большой рюкзак, где лежала, в том числе еда, утонул.

– Д-доставай к-контей-йнер, – сказал я Жанне, не попадая зубом на зуб.

– Какой? – быстро спросила девочка.

– С з-з-зелёной крышкой.

Я взял у неё контейнер, достал оттуда «Мирамистин», едва скрутил пластиковую крышку и с ещё большим трудом попал тонкой трубочкой распылителя в горлышко.

– В-возь-зь-ми ват-тный тампон.

Девочка достала упаковку ватных кружков, вытащила оттуда несколько. Я пшикнул несколько раз на каждый из них.

– П-протри все места, г-где ободрана кожа.

В воде был яд. Сотни, а может и тысячи разлагающихся тел валялись где-то на дне и отравляли воду – поэтому так жгло царапины. Оставалось надеяться, что они не были настолько большими, чтобы серьёзное количество трупного токсина из воды попало в организм.

– Дай руку.

Жанна вытянула тонкую бледную руку вперёд. Я нанёс раствор ей на ладонь.

– Протри и суй пальцы в рот – тебя должно вытошнить.

– Не хочу!

Пришлось коротко объяснить в чём дело. Она с неохотой принялась делать то, что я сказал.

Пока девочку выворачивало, я изучал местность. Вокруг был безрадостный пейзаж из серого бетона и проржавевших металлических конструкций, всякого рода перекрытий, скатов крыш, обнажённых стальных балок, переплетающихся между собой, битых окон и раскуроченных решёток на них. За моей спиной располагались бетонные ступеньки, ведущие в эти индустриальные руины.

Мы отжали одежду. Пришлось отворачиваться, хотя лучше бы я этого не делал: воображение нарисовало воспламенившие меня картины обнажённой девочки.

Отравление всё ещё сказывалось, но холодная вода взбодрила и освежила голову, к тому же воздух тут был гораздо чище. Промзоны, вроде этой в советское время ограждались бетонными плитами и колючей проволокой сверху. Проволока троглодитам была нипочём, а вот

бетон защищал наилучшим из возможных способов: просто скрывал нас от их мутных глаз. Но всё равно надо быть настороже: какие-то группы уже могли добрести и досюда.

Как я уже тогда знал, они вполне могут привлекать друг друга криком, по крайней мере те, у кого не была разодрана глотка.

И тот мальчик... Он был не похож на остальных. Мысль о нём билась на отвороте сознания, даже когда нас несло ледяным потоком.

Но тогда было не до рассуждений, я отложил это на потом.

Мы поднялись. Сверху открылись оставшиеся детали, завершающие картину промышленного запустения: брошенные погрузчики, проржавевшие трактора без моторов и колёс – догнивающие останки развитой промышленности.

Воздух был не то чтобы холодным, но питерское лето ощутимо сдавало: было начало сентября. Стоять в сырой одежде под серым небом, откуда северное солнце даже чуть-чуть не прогрело мелко дрожащих тел, было невыносимо.

Я повёл нас к самому большому в зоне видимости ангарообразному зданию с крышей из гофрированных металлических листов. Идти надо было по выщербленному асфальту с глубокими трещинами, из которых в некоторых местах проросла трава. Было ощущение, что мы в степи, а вокруг нас огромные шатры брошенного кочевниками стойбища. И, как в степи, видимость на огромном открытом пространстве, вокруг ангароподобных сооружений, была идеальной.

Мы дошли до угла ближайшего такого сооружения, я знаком показал, чтобы Жанна осмотрела его внутренность, а сам выглянул за угол – на открытую местность между конструкцией, за которой мы стояли, и цехом, куда мы намеревались попасть. На большом асфальтовом поле было несколько грузовых машин и много бочек, составленных кучами через почти равные промежутки. Беда была в том, что ни за одной из этих гор рухляди нельзя было надёжно спрятаться: огромные чёрные въезды в цех были распахнуты, так что нас всегда было видно со всех сторон. Я решил, что лучше всего бежать по прямой до самого «нашего» цеха, потому что так мы хотя бы с одной стороны будем защищены каналом, откуда только что вылезли, и расходящимися от него бетонными стенами.

– Что там? – спросил я Жанну, кивнув на внутренность ангара, у стенки которого мы сейчас стояли.

– Ничего, – как будто с обидой ответила она.

Видимо девочке не нравилось, что ей дают такие задания: она вряд ли была хороша в изучении пространства. Как и я, впрочем.

Я взял её за руку, и мы побежали.

На открытой местности расстояние определять трудно: разница между пятнадцатью и тридцатью метрами кажется не большой. Мы добрались до ворот цеха секунд за десять и затаились с внутренней стороны.

Никаких признаков троглодитов или человеческих банд. Пространство внутри цеха было колоссальным. Стальные балки и подпорки диаметром в три фонарных столба, пересекались под высоченным полотком, образуя парные перекладины, между которыми настелены металлические решётки, которые когда-то использовались как мостки для сотрудников исполнинского цеха.

Нижнее пространство было структурировано группами контейнеров с ржавыми стенками. Я провёл нас к одному из таких нагромождений. Влезать внутрь было опасно, потому что гулкий звук шагов по металлу оповестит вероятных обитателей этих руин о новом мясе или новом поступлении нескольких пар обуви и одежды – зависит от сорта здешних обитателей. Да, может я чересчур подозрителен. Но в таких условиях ошибка может быть только одна – последняя.

Всё время с тех пор, как мы выбрались из вколоченного в гранит канала, во мне поднимался жар: организм отогревался, но вместе с ним поднималось кое-что ещё. Вот она: беззащитная и юная с длинными ногами и каштановыми волосами, собранными сейчас в небрежный завиток. Всё произошедшее развязало мне ум и руки, и я, пока она сидела на корточках ко мне попой, высматривая что творится за противоположным краем контейнера, обнял её крепко-крепко, прижал её выпяченный зад к разгоревшемуся паху, придавив её руками. Я почувствовал, как мой друг впивается в её мокрые костлявые ягодицы, и от этого у меня что-то сжалось до острой боли, от которой я зашипел.

Это меня выдало, хотя, по правде, я не собирался скрываться – она была в моей власти, но какое-то время игра могла удерживать отношения между нами в рамках общественной нормы. Это болезненное шипение разрушило иллюзию нормальности.

Она вывернулась, оказавшись ко мне лицом, и упала с корточек на задницу, я навалился сверху, продев руки под её спину и впился губами в её бледные от холода губки. Ощувив спазм у неё внутри, я отстранился за секунду до момента, как жёлтый фонтанчик вырвался из её рта. Желудок был пуст: всё, что там было, она оставила на понтоне, поэтому её стошнило желудочным соком.

Произошедшее оскорбило и возбудило ещё сильнее. Это было даже не оскорбление, а уязвление большого места – наподобие уже расчёсанного в кровь комариного укуса, чесать который одновременно и больно, и приятно. Я отстранился окончательно, уластив себя согревающей мыслью, что она всё равно никуда не денется, что всё главное ещё впереди, и вернул себя в холодную сырую реальность.

Девочка, отползла от меня каракатицей, пугливо и нерешительно смотря на меня, опасаясь продолжения. Я сделал вид, что ничего не произошло: отвернулся, даже сделал пару шагов от неё на полусогнутых ногах и стал изучать внутреннее пространство нашего гигантского убежища.

Преодолевая барьер, который между нами образовался, я сказал:

– Вроде всё спокойно, – а потом не выдержал и решил намекнуть на случившееся, давая понять, что это не спонтанный порыв – если бы кто был, он бы давно пришёл на шум, что мы тут подняли.

Жанна, громко сопя, собралась и села на корточки.

Меня вообще поражает психологическая выносливость этого ребёнка и её готовность снести всё ради выживания. На протяжении последних нескольких дней в квартире она даже не упоминала о родителях и о необходимости их поиска: видимо понимала каков шанс найти их живыми, раз они до сих пор не вернулись. Меня даже слегка напугали такие цинизм и расчётливость в этой юной девушке.

Я начал подниматься, намереваясь идти вперёд.

– Подожди, – услышал я голос за спиной.

– Что?

– Я хочу писать.

– Только далеко не отходи.

Жанна, получив разрешение, на цыпочках побежала к противоположному краю контейнера, за которым мы прятались.

Я стоял и слушал молодое, весёлое журчание, опасно разносившееся эхом по всему объёму циклопического промышленного строения.

– Закончила? – спросил я, когда она вернулась.

Она посмотрела на меня исподлобья и промолчала.

Мы двинулись, осторожно обойдя контейнер, и теперь шли вдоль него с другой стороны. Передвигаться между контейнерами было безопаснее: так мы с двух сторон были прикрыты. Выйти на открытую площадку между линией огромных ворот, разделённых полосками

металла, и лабиринтами контейнеров было страшно – так нас мог увидеть кто угодно. Миновав место, где минуту назад уединялась Жанночка, мы вновь оказались у края контейнера – теперь с противоположной стороны.

Всё шло нормально, мы быстро шли, почти не прячась.

Где-то хрустнуло стекло. Мы резко остановились и спрятались. В тот момент мы были в очередном узком коридоре между рядами контейнеров с проржавевшими стенками, сквозь которые просматривались их внутренности.

Очень хотелось пить.

Сердце бешено заколотилось. Резко перестало хватать воздуха, как будто отравленная питерская сырость вдруг навалилась всей своей мощью. Моя маленькая подопечная сама прижалась ко мне, вызвав шевеление в паху. Моё физическое развитие оставляло желать лучшего, но потрясающий ужас от всего происходящего мобилизовал последние ресурсы организма.

Мы прошли несколько рядов, расположенных как змеиные рёбра. Хруст повторился. Мы затаились вновь. Затем раздались аритмичные шлепки и следующее за ними шуршание по полу. Мы некоторое время постояли так, задерживая дыхание, каждый пытался определить природу этих звуков, не решаясь выглянуть из-за укрытия. Из-за странного эха определить откуда идёт звук было невозможно. Я решил двигаться и реагировать на угрозу по факту.

Мы вышли из-за укрытия, прошли вперёд два-три шага, и я услышал хрип. Что-то резко дёрнуло меня за ногу, я упал. Хрипело теперь протяжно, от этого звука сводило внутренности.

Помятая голова уже висела на уровне моих голеней, она вот-вот вонзила бы в меня гнилые зубы, если бы не девочка. Она пинком отбила отвратительную башку троглодита.

Я лягнул существо в череп и кое-как, оскальзываясь, поднялся. Как же смердело! Потом сквозь большую дыру в контейнере с ржавыми краями я увидел, что это было.

Видимо, до смерти этому человеку не повезло: он был искалечен: без ног и на всём лице у него было отвратительный мясистый нарост. Картина дополнялась вскрытым горлом, в котором виднелись дыхательные каналы и пищеводная трубка, разорванные укусом другого троглодита. Дохлак, очень быстро перебирая руками и хрипя, пытался вновь повернуться в нашу сторону. В стороне, откуда мы только что пришли, были рабочие столы, на которых лежали проржавевшие инструменты, предназначенные для вскрытия контейнеров – на случай, если замки испортятся при транспортировке. Я добежал туда, взял один приглянувшийся мне лом и пошёл к троглодиту. Уже когда я поднимал руку, я почувствовал чьё-то прикосновение к руке. Чуть не заехал в милое личико.

– Можно я? – спросила она.

Меня что-то кольнуло. Это не нормально, когда столь юное создание имеет желание истреблять, пусть даже жуткую, мёртвую человекоподобную тварь. Но они убили её родителей. Да, она может истреблять их.

Девочка, не собираясь с силами и не тратя время, размахнулась и вогнала лом в бледный череп. Раздался хруст, вокруг расплескалась коричневое месиво.

Дальше я не смотрел. Было неприятно, даже зная, что привычному миру пришёл конец, смотреть как юная душа совершает такое действие.

Когда удары прекратились, позвал её идти дальше.

Дальше могло оказаться страшнее, потому что бомжи редко сидят поодиночке, а этот, уже дважды мёртвый, при жизни явно был одним из них.

На выходе из огромного склада оказался умывальник с капающим краном. Когда-то он был отгорожен кабинкой, судя по вбитым в стену креплениям, но последние обитатели этого склада переоборудовали это пространство по своему вкусу. До того, как стали мёртвыми.

Дальше было вот что.

Мы выбрались из этого склада и оказались в каноническом пейзаже постапокалипсиса. Это абсолютно самодостаточное состояние психики, когда ты воспринимаешь всё, что неко-

гда было чьей-то собственностью и объектом экономического оборота, как что-то, что может пригодиться в выживании.

Заплесневевшие стены с ржавыми потёками от капель с колючей проволоки, натянутой над ними, брошенная, полусгнившая техника. Эта зона пережила свой апокалипсис задолго до начала нынешнего.

Но мы всё-таки нашли то, на чём можно ехать.

Это был большой чёрный джип с открытой дверцей – очевидно, что его хозяин не собирался проводить здесь много времени.

На небольшом удалении от машины валялся неподвижный труп.

Мы запрыгнули внутрь и хлопнули дверцами. Электронный ключ был вставлен в гнездо, так что машина завелась по нажатию кнопки. Девочка дрожащими пальцами включила подогрев всего, что можно в этой машине.

Через несколько секунд побежали троглодиты. Когда мы поравнялись с неподвижно лежавшим трупом, меня вдруг осенило: он умер не от укуса какой-то из этих тварей – его застрелили, о чём говорили осколки костей на затылке. Похоже, эта заброшенная территория служила местом разборок бандитов. Троглодиты не тронули труп. Выходит, им не интересны состоявшиеся покойники.

Помня о фатальной саможертвенности мертвяков, я всеми силами уходил от столкновения с их проеденными телами, но несколько раз им всё-таки удалось задеть капот и крылья машины.

Чуть поодаль я увидел группу других машин. Они все говорили о принадлежности к какой-то из команд, собравшихся здесь, чтобы «выяснить отношения». Удивительно, как одинаково складывается понятие о «крутости» машин, одежды и прочего среди людей с одинаковым образом жизни.

– Куда мы едем? – спросила Жанна.

– К выезду отсюда.

– Ты знаешь где он? – спросила она.

Я вырулил максимально близко к, как я надеялся, внешней стене – ведь это могла оказаться стена, отделяющая одну часть промышленной территории от другой, и поехал вдоль серого бетона с колючей проволокой.

Троглодиты неслись за нами со скоростью, так навскидку, в районе 35 км/ч, так что приходилось ехать быстро, напрягая всё внимание, чтобы не врезаться на повороте в бетонную ограду. У нас была приличная фора, но если каждый раз сильно тормозить при каждом изгибе ограды...

Ворота оказались прямо сбоку, по левую сторону. Проблема была в том, что они были заперты. Пришлось тормозить прямо напротив, отъезжать для разгона, а затем на скорости таранить их. Когда я переключил коробку передач на спортивную езду, мёртвые выбежали из-за угла, откуда мы только что повернули. Я второй раз за сегодня нажал на газ до упора.

– Хорошо сохранились тут, гады! – не удержался я.

Опять раздражающая дробь ударов по стеклу и металлу, опять искорёженные раздутые трупные морды, бьющиеся о стекла.

Но мы вырвались.

– Куда теперь? – спросила Жанна.

– К месту сбора – ответил я раздражённо.

Я не был так уверен в своём ответе, но дорога от промзоны была одна, так что мы могли ехать только вперёд.

Мы вырулили на шоссе. Судя по указателям, это был Старо-Петергофский проспект. Коротко посоветовавшись, мы решили, что не стоит сворачивать в центр из-за большого скопления жителей, а теперь ходячих мертвецов, поэтому надо ехать прямо до Иоанно-Кронштад-

ской церкви, чтобы там свернуть на Ленинский проспект и уже оттуда по прямой до указанного в аудиосообщении моста. Я поразился познаниям в географии моей попутчицы, помню, даже похвалил её за то, что в школе хорошо училась, на что она ответила, что выучила местность по Яндекс-картам, когда они с друзьями лазили по закрытым объектам, вроде этой промзоны.

Всё ради красивых фоточек.

По дороге мы встречали ещё группы злосчастных потревоженных усопших, но они были слишком повреждены жарой, чтобы представлять для машины угрозу.

Встречались и неподвижные покойники. Они были упокоены пулями. Ощущалось присутствие военных поблизости.

Вдалеке появились странные наросты на дороге, похожие на огромные грибы.

– Мост! – закричала Жанна.

Показался мост через Неву, а перед ним тянулась линия мешков и всякого хлама, который было не жалко использовать на постройку заграждений. Грибы по бокам оказались гнёздами для пулемётов, выложенные высоко специально, чтобы можно было стрелять стоя – мёртвые не стреляют в ответ.

– Неужели? – услышал я свой одновременно измождённый и обрадованный голос.

Прибыли

Драма. Всё, что происходит вокруг – это драма. Трагедия. Падение колосса цивилизации. Я не знаю, каков масштаб всего этого. Самоуверенность, дерзость, привычки, чувство защищённости, образ жизни, спортзалы, кафе, курсы, работа, тонны никому не интересных фотографий в соцсетях – всё рукотворное, включая массовое общество, исчезло.

Я – осколок разрушенного мира. И мне больно от того, что я знаю, что именно мы потеряли. Ты, если даже и умеешь читать, не поймёшь этого. Да, я радовался своей личной свободе и будь у меня кнопка, которая начала этот апокалипсис, я бы её нажал. Но мой разум позволял мне понять, что я бы поступил так лишь потому, что был отрезан от управления всей этой социальной конструкцией. Я – человек подполья, не сумевший выбраться на поверхность в обычных условиях, но имеющий в голове архитектурные модели общества. Сейчас все эти люди, ещё сохранившие какой-то налёт цивилизованности, постепенно начнут дичать, оторванные от сдерживавших их общественных идолов, вроде религии и СМИ. А конкурировать дичающим людям придётся не только между собой и с дикими животными, как это было в древние эпохи племён, но и с чем-то другим. Тёмным. Тем, что является антиподом не только человека, но и вообще жизни. Антижизнью. Что-то существующее лишь чтобы гасить её.

Мы вошли на мост пешком с поднятыми руками. Жала пулемётов вывернулись на нас в своих гнёздах. Я чувствовал на себе изучающие взгляды военных. Они тоже были испуганы. Это были парни даже помладше меня, которые во время начала этого дерьма, были на службе. В основном это были солдаты-срочники.

– Стаа-ять! – раздался командирский голос из-за баррикад.

Мы с Жанной остановились.

Честно признаться, тут я занервничал? что девочка расскажет о моих наклонностях кому-то из них? Думаю, меня бы пристрелили, узнав, что я пытался трогать её.

Но она почему-то смолчала.

Из-за укрытия вышел низкий широкоплечий человек в городском цифровом камуфляже. Хоть кто-то в городском камуфляже, а то можно подумать наши солдаты везде: и в городе, и в пустыне ходят в одной и той же зелёной лесной форме.

– Кто такие?! Документы!

Я стоял как вкопанный, думая, что мы попали в... Просто попали. Никаких документов у нас не было.

Офицер подошёл, достал нож и сделал резкий выпад мне в лицо. Я отшатнулся.

– Это ваш главный документ, – вкрадчиво сказал он – троглодиты не отступают. На этой стороне мы все заодно, запомните это. Тебя это тоже касается, девочка, – поглядев на Жанну, сказал военный – оказавшись там, – тычок пальцем в сторону лагеря – вы оказываетесь на стороне живых, это всё, что вам нужно помнить. Мы боремся за выживание, остальное нас не волнует. В лагере есть старшие, переходя через этот мост, вы обязуетесь подчиняться приказам руководства, в противном случае вы будете выпровождены. Всё ясно?!

– Так точно, – спокойно ответил я.

Поведение этого человека меня разозлило.

Он посмотрел на меня, услышав в голосе иронию. Но видимо решил, что походная жизнь выжжет из меня городскую спесь, поэтому ничего не сказал.

– Что с машиной? – спросил я.

– В ней есть что-нибудь ценное?

– Нет, но...

– О машине не думайте – это теперь наша забота, – сказал он – проходите. Пойдите.

Я обернулся.

– Вы по дороге где-нибудь поблизости троглодитов не видели? Хвоста не было за вами?
– В пределах дороги было несколько групп, но в основном все распухшие, скоро они все свалятся, не смогут ходить.

– Да свалятся они... Если сюда вовремя не успеют дойти... – бормотал под нос офицер. Жанна во всё время разговора держала меня за руку.

Весь мост был расчерчен колючей проволокой, напоминая лабиринт, построенный пауком, плетущим железные нити. Такая конструкция действительно могла задержать волну мёртвых. Вот только с чего они взяли, что они пойдут по мосту?

На противоположном берегу оказался ещё один контрольно-пропускной пункт. Здесь также были навалены мешки, установлены пулемётные гнёзда и прочие признаки военного лагеря.

Вперёд выступил парень с плохо сидящей на голове каской, как будто он опасался, что безмозглые трупы могли пользоваться оружием.

– Что у вас в этом рюкзаке? – он указал на единственный сохранившийся рюкзак у меня за спиной.

– Медикаменты, сменная одежда.

– Еда есть? – спросил парень.

– Нет, мы потеряли рюкзак с едой, когда убегали от этих.

– Плохо. Здесь много людей безо всего, всех не прокормишь. Но вам повезло: ещё остались квоты на людей без своих припасов.

Он написал 2845 и 2846 в большой тетради, которая лежала перед ним на доске, уложенной на бочку.

– Если хотите, напишите напротив номеров свои имена – если придёт кто-то из родственников, они вас увидят. Вы тоже можете поискать тут знакомых и близких.

Я махнул рукой: у меня никого не было, а Жанна засветилась сквозь грязь, покрывавшую её тонкую кожу, подскочила, быстро взяла ручку и написала имя напротив своего номера.

– Как вы добрались сюда?

– На машине, – неохотно ответил я.

– Ясно, проходите, – радушно сказал он, как будто звал к себе домой на чай – идите налево – там сейчас больше свободных мест. Люди не особо охотно пускают к себе новых, хотя палатки все лагерные. Ну, найдёте там кого, ни пуха вам.

– Спасибо, – выдавил из себя я.

Мы пробрались сюда с нечеловеческими усилиями, едва удрав от орды ожившего мяса, чтобы слушать этого недотёпу?

В лагере

Темнело. Мы прибыли в сумерках позднего заката, хотя в хмуром, сером небе солнца было не разглядеть.

Палаточный городок шевелился, но как-то дёргано – люди не могли смириться с тем, что творится вокруг. Все всё уже видели, многие потеряли близких, но поверить, принять это... Для многих это было сложнее, чем смириться с утратой близких. Ужас от происходящего скопывал: люди не знали, что делать дальше.

В центре лагеря за верёвочным ограждением находились большие палатки, скорее шатры, одинаково-зелёного цвета: там располагалось командование.

Мы шли вдоль импровизированных палаточных кварталов в направлении, которое нам указал «пограничник». Мой рассудок находился в полусонном состоянии, как будто я отходил от наркоза, поэтому всё никак не мог решить какую палатку выбрать. Самая большая? – Может быть слишком много людей, а я не люблю людского шума. Низкая? – Мало места. Как будто все ресурсы мозга ушли на борьбу с обстоятельствами. «Я выжег свой мозг», – подумал я тогда.

Будущие события заставили меня поверить, что всегда может быть ещё хуже.

– Куда мы идём? – спросила Жанна.

Её голос разозлил меня. Она звучала трезвее моих мыслей, кипящих долбаным борщом.

– В вечность, – ответил я.

Не знаю, может она уловила что-то в моём голосе, а может просто инстинкт самосохранения у неё был сильнее, но буквально шагов через 15 она потянула меня в сторону. Я с сонной ленью повернулся.

Перед своей палаткой на пне, как на завалинке избы, сидел высокий седой мужчина. Его волосы, а также борода вместе с усами были аккуратно подстрижены, глаза с любопытным прищуром смотрели на нас, а губы приветливо улыбались.

– Откуда вы? – спросил он звучным голосом.

– Из города вестимо! – едко ответил я.

– Ну это-то вестимо. Из какого района?

– Адмиралтейский.

– Аа, понятно. Там жутко было.

– Теперь везде жутко.

– Я с Васильевского. Когда всё началось, думал, что выезды с Острова закроют, но нет, обошлось. Даже странно. Хотя, если подумать, то какой смысл перекрывать, если везде одно и то же? На противоположной стороне у меня тётка жила, она мне первая написала в «Телеграмме». Потом свет и связь вырубили. Как думаете, это результат нападения троглодитов или правительственный приказ?

– Честно, понятия не имею. Мы с моей... – я запнулся – Сестрой, – надеюсь, что пауза не слишком заинтригует собеседника, закончил я – очень много пережили, так что мы пойдём.

– Так заходите, заходите, – мужчина встал и плавным гостеприимным жестом пригласил нас.

Я хотел отмахнуться и идти дальше, но Жаннина рука крепче сдвинула мою – видимо девочка почувствовала моё намерение. Я посмотрел на неё: слипшиеся волосы принцессы застыли на голове птичьими гнёздами, лицо было в потёках пыли, прилипшей к высохшему поту, испещрённые красными прожилками белки глаз отсвечивали в сгущающихся сумерках усталым блеском. Крайняя усталость и отравление испарениями тухлятины сделали из красивой, распускающейся девушки маленького, гадкого утёнка. Удивительно как она вообще держалась на ногах. Может быть, я выглядел не лучше, но непонятная злость держала меня на ногах весьма крепко.

Что ж, раз уйти нельзя, значит придётся как-то терпеть это гостеприимство.

Пригнувшись, мы вошли в палатку. Это был конусовидный белый шатёр, довольно просторный. Сверху висела незажжённая лампа накаливания, изобретённая Павлом Яблочковым ещё в 19-ом веке, но внутренность палатки освещало небольшое окошко огня, который вырывался из открытой утробы металлической печки-буржуйки. Её труба была выведена из палатки через прорезанное в крыше отверстие, укреплённое по краям плотным материалом, чтобы палатка не загорелась. Было ощущение, что хозяин этого временного жилища изготовил всё сам, под свой вкус и удобство своей семьи.

Здесь была его жена с перетянутыми лентой длинными тёмно-русыми волосами и девочка лет семи. Волосы у девочки были невероятно красивыми: очень пышными, светлыми с золотым отливом. Сначала я подумал, что мужчина молодой, просто рано поседел, но потом убедился, что он уже в приличном возрасте.

– Знакомьтесь: моя жена – Лиля и дочь Маруся.

– Привет Лилия и Маша, – Жанна чуть не откланялась им, видимо от радости, что мы наконец-то в безопасности, тепле и сухости.

– Нет, – засмеялся хозяин – Маруся – это её полное имя, мы её так в паспорт записали.

– А вас как зовут? – хрипло спросил я.

– Василий.

– Очень приятно, – выдавил я из себя как можно искренней.

Мне как можно скорее хотелось или лечь спать, или поесть. По дороге сюда из дома я пережил и ужас смерти, желающей вонзить в тебя свои вонючие гнилые зубы, и экстаз полной свободы, так что разговаривать с кем-то был вообще не вариант. Я был полностью опустошён. Но эти люди были столь милы, что решили развлечь нас уютной беседой у печи.

– Я Жанна, а это, – она удивлённо посмотрела на меня, раскрыв бледные сейчас губы.

Я, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровней, произнёс:

– Тут есть электричество?

Василий посмотрел на лампу.

– Провода лежат, но начальники решили, что будет безопаснее оставить его только в командирских палатках, чтобы кто-нибудь неосторожный не вышел наружу, не погасив лампочку. Мы тут уже три ночи, так что риск привлечь этих... Серьёзный.

– Ничего нового, – сказал я, имея в виду желание любых, имеющих власть людей, оставить себе самое лучшее, объясняя это несмышлёностью подвластного населения.

– Да... И вот точно чувствую, что такая же команда была дана, чтобы выключили электричество в городе, не могут электростанции просто так взять и встать.

– Чай готов, – сказала Маруся пискляво.

Её мать взяла чашки и поставила их перед нами.

О, куда теперь делась эта человечность!

Перед палаткой иногда сновали люди. Внутри, не смотря на понижающуюся температуру снаружи, было жарко.

Моё лицо горело, а голова кружилась, как после карусели. Параллельно со мной Жанна стала клевать носом. Я видел это как сквозь липкий туман, который никак не смаргивался.

– Ой, простите! – воскликнула Лиля.

Я дёрнулся как от удара током – видимо уже заснул.

– Просто вам нужны тёплые вещи, я вижу у вас один рюкзачок только. У нас не много, но мы кое-что найдём.

Она стала рыться в дорожных мешках, судя по виду, тоже сделанных вручную.

Василий увидел, что я смотрю на их вещи и улыбнулся.

– Люблю своими руками что-то делать – моё хобби. Да оно и практичнее: в нашем климате привезённое из-за границы не к месту: в ботинках ноги промерзают через подошву,

через одежду продувает постоянно, сырость до тела доходит. Для зимы ничего лучше валенок и ушанки не придумано. А большинству моды подавай. И пусть бы наши что-нибудь модное, но эффективное именно в наших краях делали, а то ведь молодёжь вся простывшая ходит, парни в двадцать лет с простатитом. Нет – они как собаки безродные тычутся в иностранные покрои, даже не рассматривая что-то русское. Не просто же так эти валенки и ушанки: мы в этих широтах уже больше тысячи лет живём. В каком-то смысле наши предки были умнее нас.

Я вспомнил морозные утра и ночи, когда быстро бежишь от дома до метро и обратно, а ноги всё равно замерзают, и мысленно решил, что Василий прав: именно русский национальный стиль зимней одежды лучше всего подходит для этого климата.

Лиля достала, а маленькая Маруся разнесла нам тёплые свитера и накидки. От штанов Василия я отказался, просто сняв свои, и оставшись в одних трусах, отнекиваясь от упорных уговоров Лили. Хорошо, что у них были запасные одеяла: я сел и накрыл ноги одним из них. Моя девочка придвинулась ко мне своей маленькой, упругой попой, так что эти милые добрые люди могли бы случайно через трусы увидеть мой клык, раздражённый этим, слегка пахнущим юным потом, богатством.

– Мы моемся в реке, – сказала жена хозяина палатки, но сейчас уже холодно, лучше оставайтесь так.

– Василий, это ваш тент? – спросил я.

– Мой. Это заметно: большинство казённых – одинаковые. Хотя тут много людей и со своими...

Этот человек говорил ещё что-то, но я просто тонул в наступающем сне. Я запретил себе прикасаться и даже думать о соблазнительной юной девушке, которая лежала рядом со мной и в своей наивной тяге к теплу пыталась прижаться ко мне через стенки одеял, которыми мы были накрыты порознь. Да, хорошо, что были разные одеяла. Я бы ненавидел себя, если бы уровень возжелания достиг того градуса, когда, не удовлетвори я его, я бы чувствовал себя ущербным, как бы не существующим.

– Может их разбудить, они ведь не ели? – услышал я издали озабоченный голос Лили.

– Сейчас им важнее поспать – пусть спят. Они ведь только что выбрались оттуда. Сама знаешь, что там...

Больше никто не разговаривал. Я попытался ужалить себя мыслью, что это тёплое сонное блаженство закончится холодным неумолимым пробуждением, когда нужно будет уходить. Но топкая усталость взяла верх, и я не заметил, как уснул.

Утро

Отвратительно, зыбко и промозгло так, что мошонка сжуривается.

Нас покормили овсяной кашей. Она была приготовлена без изысков – из того, что было, но чувствовалась рука опытной домохозяйки: было вкусно. Шедевр на фоне того, что мы с Жанной ели с начала апокалипсиса.

Я по-прежнему испытывал зуд раздражения. Чего они так носятся вокруг? И тут меня осенило: мне было просто нечем ответить на их доброту. Всю жизнь я сторонился людей, считал всех дураками, не мог отвечать добром на добро, а злоба и раздражение варились во мне в гнойном сплаве из детских обид на родителей, желания быть лучшим везде и всегда, которое не может быть удовлетворено, потому что нельзя быть лучшим во всём. И я видел в окружающих злость, корыстолюбие, честолюбивые замыслы, я с готовностью цеплялся за них и полагал, что это единственное содержание человеческой природы. И даже в редких случаях, когда сталкивался с деятельно добрыми людьми, я уходил от них как от огня, потому что не понимал... Потому что они высвечивали помойку моей души.

Сотрясшийся вокруг пиздец помог мне полностью раскрыться.

На похоронах родителей я испытывал облегчение, а не боль – я радовался, предвкушая свободу. Только я остался несвободным. Они по очереди унесли мою привязанность к ним с собой в могилу, и я не мог потребовать вернуть эту часть себя.

Но теперь... Никаких ограничений нет вообще. Это была истинная свобода. Я уже почти захлёбывался её цветом, запахом, вкусом. Я почти купался в её тёплых волнах. Свобода выбирать, свобода делать, свобода трахать... Эти добрые люди в палатке отделяли меня от вожделенного бутона моего обожания.

Да, у меня были поводы ненавидеть.

Я ненавидел себя.

Совет

Нас покормили кашей, и мы стали выбираться из палатки. Очень холодно было, так что не хотелось даже двигаться, приходилось пересиливать себя, чтобы не замёрзнуть ещё сильнее.

Первой мыслью было осмотреть лагерь, понять, что тут и как, но потом я понял, что лучшим способом получить информацию обо всём будет знакомство с командованием.

Было ощущение, что эти офицеры действуют не по приказу правительства, а сами по себе. Представляя себе природу военных, стоит опасаться проявлений гиперпатриархальности их стиля управления, так что лучше узнать всё заранее.

Я оттолкнул Жаннину руку, чтобы мысли о ней не мутили рассудок.

Вокруг копошился просыпающийся лагерь: люди выбирались из своих палаток, пили что-то горячее, судя по парящим над кружками облачкам, смотрели на прохожих, о чём-то переговаривались. Но у всех у них была общая черта, которую я не сразу смог определить. Пришлось остановиться и напрячь извилины, чтобы вникнуть в суть окружающей социосферы. Их всех объединяло похожее выражение лиц – оно варьировалось от полной потерянности до какого-то странного удивления с приподнятыми бровями, как будто им только что засадили морковкой в лоб. Все они смотрели в сторону Петербурга с тянущим ужасом. Это уже не просто изнеженные комфортом городские жители, но беженцы и скитальцы, без дома и надежды скоро его обрести. Они бежали от страшного, от того, что не остановится ни перед чем, с чем невозможно вести переговоры, что настигает и убивает без всякой логики и смысла. Каждый потерял что-то дорогое ему, кого-то близкого. Кто-то потерял всё. Такие рубцы въедаются в душу и меняют облик человека. От такого никогда не избавишься, как не могут избавиться старики, пережившие блокаду этого города, и от того постоянно достающие молодёжь наставлениями не выбрасывать хлеб, даже если он уже покрыт плесенью.

– Почему мы стоим? – спросила Жанна.

– Я думаю.

У девочки было такое же выражение, что у остальных. Она оставила там родителей. Хотя было бы лучше, если бы она и правда их там оставила – в глубине она ещё сохраняла надежду, что они живы.

Она словно прочитала мою мысль.

– Давай поищем моих родителей, – сказала она.

Это выходило за рамки моих видов на её будущее.

– У меня есть идея получше. Мы идём в штаб командования, узнаём что и как в этом лагере, потом...

– Помнишь тот журнал, в который нас занёс солдат при входе в лагерь? – я сжал зубы – Я хочу его посмотреть, если они в лагере, я найду их...

– Идём в штаб, оттуда уже зайдём на пропускной пункт.

Девочка не стала закатывать истерик, хотя всей душой хотела заняться поиском родителей прямо сейчас, сию секунду. Она лишь болезненно нахмурилась и кивнула.

У меня мелькнула мысль, что такая мне нужна. Будущее человечество должно быть сильным.

Мой формирующийся план требовал жертв.

Тяжёлое низкое небо над нами вынашивало холодный дождь. Я всегда ненавидел холод и сырость, хотя и вырос в климате, где эти два явления были почти постоянными. Интересно, как там сейчас в Крыму? Мне так и не довелось добраться до этого благодатного края. Если бы не апокалипсис, я бы перебрался туда, думаю.

В сумерках лагерь выглядел более аккуратно, чем теперь. Мы шли между разношёрстными конструкциями, спасающими от дождя – в основном это были зелёные военные тенты,

которые крепились верёвками к вбитым в землю деревянным кольям. Однако какое-то подобие порядка тут всё же присутствовало: весь лагерь был разделён на квадраты, границы которых обозначали верёвки. Промежутки между квадратами представляли собой «улицы», по которым по лагерю можно было передвигаться относительно свободно. Без вмешательства военных, никто бы не стал даже пытаться упорядочить лагерь.

Мы вышли на перекрёсток «улиц» и пошли по той, что ведёт прямо к палатке с командованием. Большая пирамидальная конструкция из какой-то водоотталкивающей ткани и остова из прочной, но гибкой пластмассы, возвышалась над лагерем, как походные палатки древних князей возвышались над полем, где собрались их ополчения. Только вот вокруг были не ополчения, а испуганные, загнанные люди.

Командирская палатка была огорожена такой же верёвкой, как целые кварталы «гражданских», только верёвка шла не прямо около земли, а на уровне пояса, что как бы показывало, что случайным людям здесь не место. Перед входом стоял военный с серьёзным взрослым лицом – явно боевой офицер. Мы подошли к верёвке напротив входа, и я обратился к нему.

Мне показалось, он хотел сделать вид, что не замечает нас, но после слов приветствия я продолжал стоять, смотря на него в упор, так что он был вынужден спросить, что нам нужно.

– Мы хотим пройти внутрь, – сказал я коротко.

– С какой целью? – также сухо и коротко спросил офицер.

– Я хочу поговорить с начальством, узнать какие дальнейшие планы. Нас ведь ни о чём не информируют.

– В своё время проинформируют, – отрезал он.

– Давайте без вот этого вот, – раздражённо сказал я – нас сюда позвали, чтобы помочь выжить – это единственная цель существования этого лагеря. Люди нервничают, они хотят знать, что их ждёт! – офицер молчал – Я обладаю некоторыми специальными знаниями в широком спектре вопросов – я философ, могу пригодиться в штабе.

Офицер посмотрел мне в глаза. Я, собравшись с духом, тупо уставился в его. Никогда не любил смотреть людям в глаза: я их плохо понимал, они плохо понимали меня, видимо это заставляло их напрягаться и думать, что я на них бычу. Это странный эффект, но это правда.

Он долго так стоял – так, по крайней мере, мне показалось, потом не очень решительно (думаю, он всё-таки ничего толком не понял по моим глазам) одной рукой стал снимать верёвку с одного из кольшков. Когда петля верёвки повисла в его кулаке, он ещё раз с сомнением посмотрел на нас: правильно ли он поступает?

Потом вздохнул, посмотрел вокруг и видимо решил: а, ну и хуй с ним, хуже уже не будет.

Мы прошли внутрь ограждения, и я откинул полог палатки.

Тяжёлый воздух: смесь сырости и пота ударил в лицо как хороший кулак, моя спутница даже отшатнулась. Внутри шёл яростный спор. Люди в парадной и полевой форме попеременно спорили о чём-то, крича и надсаживая глотки. В этом бушующем море как скала выделялся человек с широким бульдожьим лицом. Он не производил впечатления зажившего тылового офицера: вся его поза и стать в совокупности с глубоко посаженными внимательными карими глазами, которые придавали ему ещё больше сходства с бульдогом, создавали впечатление, что он тут главный.

Надсаживался какой-то человек с большими звёздами на погонах:

– Ну не можем мы просто взять и уйти! Мы – русские офицеры, а русские своих не оставляют!

– Вон эти из Кремля нас тут оставили и ничего, – мрачно произнёс смуглый, сухой офицер.

– Да, и дороги перекрыли, – сказал ещё один.

– Они не перекрыли – это гражданские.

– А кто их остановил на выездах из города?!

Мы стояли, слушая малопонятные речи, и отчего-то становилось всё неприятнее. Эти люди, похоже, почти не контролировали ситуацию, но что важнее – у них не было чёткой иерархии и единого плана действий.

– Господа, послушайте, – вдруг вступил зычным голосом стоявший чуть позади всех офицер с бульдожьим лицом.

По голосу я узнал майора Коненкова, который звучал на радио.

– За этой рекой сейчас, – он махнул рукой в направлении выхода из палатки – шесть миллионов живых трупов. Мы не знаем, что ими движет, но знаем, что порой они могут собираться в стаи и целенаправленно устремляться куда-то. Это значит, что в любой момент все люди, которых мы собрали в этом лагере ценой жизни солдат и офицеров, могут быть сожраны, растасканы на куски и обращены в троглодитов. Мы не можем этого допустить. Вы все имеете боевой опыт и знаете, что есть ситуации, в которых никак нельзя победить. Мы взяли ответственность за людей в лагере, и мы не должны их подвести. Все, кто внутри – наша ответственность, кто не смог добраться или кого не смогли отбить наши экспедиционные отряды – предоставлены сами себе.

Сначала было тихо. Затем, по нарастающей поднялась волна криков. Спор разгорался с новой силой: кто-то яростно поддерживал майора, кто-то с пеной у рта доказывал, что задача армии защищать всех граждан.

– Я думаю майор прав! – крикнул я.

Всё резко затихло. Их разозлённые яростным спором лица повернулись в нашу сторону.

– Вы кто такой?! – спросил офицер с большими звёздами, по всей видимости, генерал.

– Я из лагеря. Можете считать меня представителем гражданского общества, – эта фраза резанула уши даже мне самому, в такой ситуации споры о демократии были не уместны – но я сам по себе могу кое-чем послужить общему делу.

– Да, и чем же вы... – саркастично начал один.

– Что вы можете? – коротко спросил, перебив его, генерал.

– Здесь много людей, вам как-то придётся взаимодействовать с ними, когда опасность будет не так очевидна. Они не военные, и вам сложно будет найти общий язык с ними. Я могу помочь в этом: у меня за плечами одна из сильнейших в мире философских школ.

Я здорово покривил душой. Конечно, я не мог нормально донести до людей цели и планы командования, ведь я почти ни с кем не общался. Я был гораздо дальше от населения лагеря, чем эти жёсткие офицеры. Благо, обстоятельства сложились так, что проявлять все эти выдуманные способности мне не пришлось.

– Хорошо, оставайтесь. Девочка вам кто? – спросил генерал.

– Двоюродная сестра.

– Будьте здесь, далеко не уходите. Возможно, вам в скором времени придётся коммуницировать с гражданскими.

Он отвернулся и в зелёном полусвете палатки снова стал подниматься шум.

– Это война, господа! Противник многочислен и беспощаден, мы должны немедленно...

– Нам надо уходить, – спокойным голосом, который, однако, был слышен лучше остальных, сказал майор Коненков.

– Майор, я тут старший по званию, подождите со своим мнением! – прикрикнул на него генерал.

Повисло напряжение. «Не хватало, чтобы они сейчас, как бояре, стали мериться длиной рукавов, выясняя кто главнее», – подумал я.

– Майор прав, нам надо убираться к чертям, пока ходячие трупы с вываленными потрохами не пришли сюда всем городом и не обратили всех в подобных себе, если такое количество не вонмёт здесь всё в землю конечно! – громко сказал я.

– Вас здесь не для советов оставили! – сказал один из офицеров.

– Для этого тоже, – я решил упереться.

Впервые в жизни я по-настоящему за что-то стоял. Спасибо мёртвым за это.

– Раз я остался здесь, я буду говорить, а вы меня слушаете. Я пробыл в этом городе с самого начала...

– Начала чего? – прозвучал издевательский голос.

– С момента Начала. Вы понимаете о чём я, – когда спор идёт на эмоции важно не поддаваться на провокации заведомо глупых вопросов, а гнуть свою линию – я наблюдал за ними. Эти существа... Троглодиты, как вы их называете – не живые. Они не являются тем врагом, с которым можно вести какие-то переговоры, которому можно что-то предложить и который отступит из-за потерь. Это враг живого как категории, всего, что дышит и шевелится по своей воле. С этим невозможно воевать привычными вам методами. Эту заразу можно уничтожить, только уничтожив их всех. Выкосив подчистую. Не загнать, не прижать куда-то, не выдавить из какого-то района, а тотально физически уничтожить. Угроза такого порядка – не то, с чем можно жить, закрывая глаза и делая вид, что этого нет. Нет – только уничтожение. Но у вас нет таких ресурсов. Насколько я понял, мы одни. Вы теперь не офицеры Российской армии – вы группа людей с уникальным боевым опытом, который пригодится в выживании в условиях смертельно агрессивной среды, – я старался говорить как можно более чётко, но при этом не терять оттенок пафоса, поддерживая статус свободного, но нужного человека. – Уход с этими людьми отсюда – не тактическая тактическое отступление, не вопрос ведения войны и не вопрос офицерской чести – это вопрос выживания всех этих людей, а возможно и всей человеческой расы, потому что никто не знает сколько осталось в живых и где они сейчас.

Я вошёл в раж, поэтому выпад одного из собравшихся в этой палатке офицеров сильно подкосил меня.

– Мы и не с такими проблемами справлялись, молодой человек. Вы не знаете на что способны наши парни, когда мы были в Афганистане, Чечне...

– То было другое – то были живые люди, была обычная война. Теперь другое... Сейчас и солдат, и ресурсов недостаточно...

Я почувствовал, что затухаю – дальше говорить я не мог. Не люблю, когда обрывают на полуслове.

Но тут выступил Коненков.

– Парень прав, господа. Теперь мы сами по себе, а эти люди – наша исключительная ответственность. Никак не одолеть нам эту орду, только людей положим. Да и ради чего? Вы ведь не знаете, есть там ещё выжившие или нет – только солдат угробите. Потеряем людей больше, чем найдём.

– Это что, мы нацистам город не сдали, а каким-то мертвякам сдадим?! – возмутился один из офицеров.

– Тогда за людей стояли, – сказал майор – город без людей – просто стройматериалы.

Повисла звенящая тишина.

Жанна, оказывается, всё это время крепко сжимала мою ледяную и потную ладонь. Мне так захотелось ущипнуть её за зад в тот момент!

– Так, вот что, господа-товарищи, нам надо принимать решение прямо сейчас, – по-деловому сказал генерал, повернувшись ко мне спиной, а лицом – к прямоугольному столу – как бы цинично всё это ни звучало, как бы нам ни было тяжело принимать такое решение, но парень прав, мы не можем рисковать этими людьми ради погони за химерой. Мы не знаем остался в городе кто живой или нет, у нас нет достаточно людей и техники, чтобы устроить полномасштабную спасательную операцию. У нас патронов не хватит и на то, чтобы пострелять весь этот лагерь, чтобы и они не обратились, не говоря уже о целом городе мертвецов.

Многие подняли на него офигевшие, круглые глаза. Но генерал резко поднял руку.

– Я всё понимаю! Крутые времена требуют крутых мер. Если понадобится, мы будем убивать и живых, но сейчас такой необходимости нет. Надо сосредоточиться на спасении уже собравшихся. У нас есть несколько путей отступления. Главной целью, как я считаю, для нас является достижение северных регионов России за Уралом, мало заселённых людьми, а потому мало заполненных троглодитами сейчас. Кроме того, прежде чем связь с центральным командованием была потеряна, рассматривалась версия, что эта болезнь является результатом применения блоком НАТО биологического оружия, так что гипотетически, я подчёркиваю – это лишь гипотеза, активность вируса на холоде меньше.

– Позвольте сказать, – встрял я.

У меня кружилась голова.

– Мы только из города. Эти существа подвержены обычным физическим воздействиям природы на мёртвые тела: разложение и прочее. Возможно, если они и есть на севере, то они просто не смогут двигаться зимой, а весной развалятся, как глубоко замороженное мясо при быстрой разморозке.

Меня выслушали с нескрываемым раздражением: эти люди не привыкли, что их прерывают. Но что делать, столько войн было проиграно из-за надменности командующих, не желающих слушать никого, кроме своего упрямства.

– Это тоже может быть верно, – сухо сказал генерал – Итого, оптимальным в данной ситуации считаю следующий маршрут, – он ткнул жёлтым ногтем в одну из карт и стал чертить им кривую линию.

Споры и ругань прекратились, шло спокойное обсуждение деталей дороги. До меня долетали лишь отдельные фразы, названия дорог и городов, я не вслушивался специально, но основные пункты врезались мне в память.

Я повернулся к Жанне и посмотрел ей в глаза. Не помню, что я там увидел, но внутри меня пошевелился внутренний кот. Это был что-то тёплое, даже обжигающее. Гордость? Может быть.

Мы пришли сюда, чтобы посмотреть на людей, которые управляют этим лагерем, но я сделал больше. Сделал интуитивно, но очень был собой доволен. Теперь можно вернуться в свою палатку, точнее – в палатку Василия и поднабраться сил для дальней дороги.

Судя по услышанному, у них была техника, но, чтобы везти всех её не хватит. Не хватит даже, чтобы везти весь этот багаж: палатки, еду, одежду и т. д. Вероятно, на ней планировали перевозить электрогенераторы, оружие, какое-то важное для всего лагеря снаряжение. Ну и командный состав, конечно, за исключением нескольких настоящих вояк – уж сами себя они не обидят, объясняя это общественной необходимостью.

Жанна первой вышла из-под полога, который служил здесь дверью, я – секунду спустя. Офицер на входе спокойным уже взглядом посмотрел на нас: раз мы там долго пробыли, значит всё в порядке.

Отсюда хорошо просматривался мост, по которому мы прошли, заходя в лагерь. Жанна напомнила о моём обещании: пойти, поискать в журнале имена её родителей. Я наморщился, но отказаться было нельзя. На краю сознания у меня мелькнуло ощущение, что в стороне моста творится что-то неладное, но до фокуса внимания это впечатление не дотянулось. Мы прошли утренний маршрут наоборот, только свернули не к палатке Василия, а к мосту.

Когда нас от заветного журнала отделяло всего метров сто, я услышал громкий окрик. Настолько громкий, что барабанные перепонки в ушах сжались, а потом захлопали как парус. Это был майор Коненков.

– Извините за беспокойство. Вы сказали, что поможете выстроить отношения с людьми из лагеря – уже можно приступать, – бодро сказал он – офицеры приняли решение, сейчас оно будет приводиться к исполнению. Надо, чтобы вы донесли информацию до людей как можно доступнее. Времени не много, так что прошу за мной.

Я остолбенело смотрел не его широкое, твёрдое, но довольно доброе лицо. Не смотря на командирский зычный голос и грубоватые манеры, этот человек излучал доброту. При этом каким-то образом я ощущал за его плечами большой груз тяжёлой службы, это был настоящий командир, про которых солдаты говорят «он мне как отец». Перед ним я испытывал смущение: моя неспособность разговаривать с широкой аудиторией вскроется, как только я возьму микрофон.

– Да, пойдёмте, – сказал я как можно более непринуждённо.

Жанна смотрела на меня широкими глазами. Я не счёл нужным оправдываться перед ней – только махнул рукой, чтобы она пошла, проверила журнал самостоятельно.

Он стал подробно описывать основные детали принятого плана эвакуации, если перемещение разорённых людей без крова и еды можно назвать эвакуацией. На каких-то местах он нарочно делал акценты, чтобы я уяснил важные детали получше. У меня всегда были проблемы с короткой памятью, как у большинства людей, не задействованных в практических задачах, так что большую часть сказанного я упустил. Коненков подробно втолковывал мне детали маршрута, предполагаемые крупные города на пути, предполагаемую диспозицию военных частей, если те ещё сохранились. Не знаю, зачем это было нужно. Может быть майор думал, что я облеку эти сухие факты в литературную форму?

Главное, что я тогда запомнил, что все дороги поначалу должны вести к Ярославлю. Это было что-то вроде перевалочного пункта на нашей дороге скорби.

Как бы невзначай он намекнул, что в своей речи я должен дать людям понять, что у них в лагере есть командование, которое неплохо бы слушаться, иначе все умрут. Я тогда ещё подумал, что такое количество не имеющих представления о выживании вне стен дома людей, в принципе не жизнеспособно. Обречёнными как раз являются те, кто в таком количестве собрался на ограниченном пространстве: тут тебе и эпидемии, и мародёрство, и растяннутость лагеря в пути, и банальная преступность, а у офицеров просто недостаточно стволов, чтобы поддерживать порядок. Но они видимо были преисполнены уверенности в своих силах.

Начинался мелкий холодный дождик – мерзкие тучи, как всегда, очень вовремя выпустили из своих утроб этот бич наших широт.

Мы пришли на небольшой участок поля, отрезанный от остального лагеря яркими лентами с надписью «Вооружённые Силы Российской Федерации», тут расположилось несколько бронированных джипов «Тигр» и два бронетранспортёра к которым тянулись провода.

– Вы поедете на этом, – сказал майор, показав на джип – запомните номер. А сейчас вам сюда, – он ткнул пальцем в направлении бронетранспортёра с кучей проводов, сходящихся на крыше – там уже в курсе.

У меня подобралась дрожь от страха и напряжения. Ещё этот дождь успел намочить свитер, что мне выдала семья Василия, так что пробирало до костей.

На деревянных ногах я направился ко входу во внутренность БМП.

Брод

Одна нога стояла на высокой металлической ступеньке, навстречу из нутра машины тянулась рука улыбающегося солдатика в зелёной форме, как вдруг раздался адский вой сирены.

Где они ещё такую нашли?

В моей памяти хорошо отпечаталось резко посерьёзневшее лицо солдатика. В нём как будто переключился режим: он стал серьёзным, взгляд перебежал на экраны внутри БМП.

Несколько секунд ничего не происходило, я стоял одной ногой на верхней ступеньке, второй – на нижней: приучил себя с детства через одну перешагивать. Воздух рвала сирена, завывая, мне показалось, прямо в ушах – настолько громким был звук. По лицу стекали капли начинающегося холодного дождя.

Страху пока что не было – я испытывал облегчение от того, что мне не придётся сейчас выступать.

В машине зашипело, из рации понёсся лающий голос. Солдат выслушал, потом бледный повернулся обратно к экранам и неожиданно, резкими движениями стал дёргать выключатели, отчего гасли экраны и лампы приборов. Он выскочил наружу, чуть не налетев на меня, тут он, как будто обо мне вспомнил, быстро посмотрел мне в глаза и шёпотом сказал:

– Они идут.

Я охуел на месте. Ещё вчера мы с Жанной удирали от этих существ из заброшенного завода, хотя казалось, что это было в прошлой жизни, и вот это снова повторяется. Ощущение безопасности, которое появилось по прибытии в лагерь, дотянулось корнями до привычки к домашнему комфорту, а теперь эти корни безжалостно выдирались, заставляя переживать потерю чувства безопасности заново.

Я спохватился: девочки не было рядом. До меня стало доходить, что за суматоха происходила около моста, когда мы с ней разминулись.

Меня заносило на поворотах: дождь и ступни сотен людей превращали траву в подобие отстойника, куда сваливают коровье дерьмо, только здесь не было запаха.

Я добежал до того места, где дорога, идущая прямо от моста, упиралась в зелёную палатку нашего самопального штаба.

– Матерь божья! – закричал человек рядом и прислонил руку козырьком ко лбу, как будто не дождь, а яркое солнце лилось ему в глаза.

Он смотрел в направлении моста. Там, когда волна звука сирены затихала, раздавались хлопающие звуки. Выстрелы. Я ничего не увидел.

– Это вы философ?! – вырвался голос из уплотняющейся пелены дождя.

– Да.

– Вас приказано сопроводить до БМП.

– Я только что оттуда. Со мной была девочка, без неё я не вернусь.

Парень не стал спорить: он был шокирован происходящим.

О точке сбора на случай, если разминёмся, мы с Жанной не условились, но я решил, что с наибольшей вероятностью она будет в палатке Василия, если не найдёт родителей, конечно. Я снова побежал по жидкой грязи, по которой пока что просто нервозно носились люди, мечась от своих стоянок к соседям в надежде узнать, что происходит.

Когда я оказался на приблизительном месте расположения палатки, вдруг стало ясно, что в изменившихся погодных условиях найти её практически невозможно. Всё изменилось: цвета, построение других палаток: некоторые из них были полусобраны, некоторые просто валялись, раздавленные мечущимися людьми. Люди, пока ещё не поняв, что происходит, постоянно путались под ногами, что ещё больше осложняло поиски.

– Блядь, она должна быть где-то здесь! – с яростью выкрикнул я.

Мне ничего не оставалось, кроме как начать заглядывать под каждый полог, ища Василия и его семью.

Белая тканевая часть палатки теперь была обтянута зелёным непромокаемым тентом, так что её было не узнать.

– Что там?! – едва увидев меня, спросила хозяйка.

– Мертвецы идут, – коротко сказал я – Нужно сниматься с места и уходить.

Я увидел Жанну в углу. Она плакала.

– Но... Нам ведь должны сказать что-то, объявить... Нас должны проинструктировать...

– Они и пенсии с зарплатами и свободный рынок нам должны! – как-то невпопад высказался Василий.

– Там сейчас заправляют обычные офицеры, не связанные с Генштабом, у них не больше информации, чем у остального лагеря, – сказал я.

– Ну а что эти офицеры, не могли заранее продумать такой вариант и дать людям инструкции?!

Я не стал ввязываться в спор. Планирование всегда было слабой стороной нашей нации.

Жанна продолжала плакать. У неё было слишком мало времени, чтобы пролистать весь журнал, но ей достало сил бросить его и прийти сюда, оставив вопрос о смерти родителей открытым. В лагере было меньше трёх тысяч человек, а в городе было больше пяти с половиной миллионов – шансы, что её родители или бабушка выжили стремились к нулю, и она оставила это, чтобы спастись от наступающей, реальной опасности.

– Идём, – сказал я, держа рюкзак за ляжки, готовясь выйти.

Жанна подняла глаза. Василий встал, и его семья, не говоря ни слова, стала собираться. Мы с Жанной вышли, больше с этими людьми мы не встречались. Возможно, стоило позвать их с собой, но едва ли они уместились бы в машине. По крайней мере, все вместе.

Я взял Жанну за руку, она посмотрела на меня и перевела взгляд на вскипающую в мареве дождя панику.

– Бежим, – скомандовал я.

Как мне нравится командовать!

Едва мы выбежали на перпендикулярную улицу, ведущую прямо к штабу и к мосту, как на нас обрушился поток людей.

Наконец до них дошло.

На мосту, который с этой позиции, просматривался почти во всю длину, копошилась какая-то шевелящаяся масса. Я сначала решил, что это дождь вдалеке сливается в единую, как это принято говорить у литераторов, стену, но нет – это было худшее.

Это были мёртвые.

«!!!»

– Что там?

По голосу чувствовалось, что она знает ответ, но надеется, что пронесёт, что это какое-то подкрепление или новые беженцы.

– Ты знаешь, что это, – ответил я.

Мы побежали. Самое прискорбное, что нам как раз и надо было бежать в сторону моста, чтобы добраться до стоянки.

Бежать по грязевой каше было всё равно, что бежать по беговой дорожке: сил уходит много, а с места сдвигаешься как-то не очень. Перед нами пронёсся здоровый мужик, от него разлило потом. Чтобы не врезаться, мы резко затормозили, но инерция несла нас вперёд по размокшей земле почти с той же скоростью. Этот мужик невольно открыл нам более удобный способ перемещения по этой каше: скольжение.

Мы разбегались и скользили, разбегались и скользили, разбегались и скользили. Мост и штаб были с противоположных боков от нас, когда Жанна, попытавшись начать скольжение,

споткнулась и инерция утянула её лицом в грязь. Вперёд и вниз. Она шлёпнулась лицом в мокрую землю. Видимо ноги упёрлись в твёрдую породу, когда она стала скользить. Я тоже упал. Я помог ей подняться и поднял голову в направлении моста и дальше – реки, идущей параллельно проспекту, по которому мы только что проскользили. Мертвяки выбрали не мост. Точнее, они вообще ничего не выбирали – они просто шли. Мост оказался лишь физическим телом на их пути и это тело не мешало маршу смерти. Но основная масса мертвецов шла через воду. Почему-то было гораздо страшнее смотреть на то, как догнившие до костей трупы медленно выбираются из воды, та стекает по их гладким бледно-зелёно-синим тушам на разорванную одежду. Жуткие болтающиеся женские груди с чёрными сосками раскачиваются и бьются о бока. Они не бегут. Они уже не такие быстрые, как в первые дни – до того, как жара сожгла их тела, но они идут.

Время в таких ситуациях течёт как-то странно. Вроде эти дохляки шли медленно, но вот они уже на границе лагеря, вот сметают первые ряды палаток, вот наваливаются своей массой и пожинаят, как огромной косой, ближайшую к реке часть лагеря.

Я посмотрел на девочку. Она как замороженная смотрела на зрелище смерти.

Я закричал. Не ей, а скорее себе.

– Бежим, ёбтворюмать!

Мы рванули изо всех сил и оба упали. Не люблю чувствовать себя идиотом – злость захлестнула меня с головой.

Таким же странным образом: скользя, мы добрались до стоянки. Всё было на месте, кроме машины с приборами. Наверное, её убрали сразу из-за критической важности оборудования внутри.

Пастбище «Тигров» было на том же месте, только их колёса на четверть ушли в размокшую землю. Шум ливня занимал почти всё пространство в сознании, так что казалось, что всё это не настоящее, какая-то смешная, ироничная декорация.

Потом всё вокруг засверкало. Я так отупел от всего происходящего, что сияние представилось мне Небесным светом.

– Солнце, – сказала Жанна.

Я скорее почувствовал, чем услышал это слово.

Сверху сквозь разрыв в тучах, светило круглое жёлтое солнце, оно приятно грело мне лицо, когда я, зажмурясь, смотрел на него. От лица приятные лучики тепла через шею, доходя до спинного мозга, расходились по всему телу.

– Дор-р-р-рогу! – заорали сзади.

К нам через толпу пробирались офицеры, окружённые отрядом солдат с автоматами. Часть из них имела примерно такие же как у нас бледные лица, но другая сохраняла на лице сосредоточенную сухость, морща складки на лбу и в углах губ.

– Хорошо, что вы здесь, – сказал генерал – сейчас вы сядете в эту машину и уедете отсюда. На вас серьёзная задача: построить общество так, чтобы они сами делали, что нужно, но слушались офицеров при острых ситуациях, понятно?!

– Понятно, – слабо сказал я.

– Так, садитесь. Остальные за мной!

– Товарищ генерал! Поезжайте вы, мы задержим этих исчадий.

– Вы говно из жопы задержать не можете! За мной, я говорю!

Было странно наблюдать как этот сухой, невысокий, пожилой человек приказывает людям, которые гораздо сильнее его физически, и как они его слушаются. В тот момент он излучал силу, почти физически ощущаемую на расстоянии. Я попытался ухватить это, вложить в себя, как я вкладывал знания из книг.

Едва он и группа офицеров и солдат ушли, как из кузова БМП показался майор Коненков. Он прищурился в направлении только что ушедших, и в этот же момент сбоку от него

появилось *очертание* человека. Оно напоминало нас, как летучая мышь напоминает орла – примерно так можно описать дальнейшее общее сходство ходячего трупа и человеческого тела.

– Берегитесь! – первой сориентировалась Жанна.

Ему повезло: мертвец был медлительным.

Когда мы оказались в машине, майор повернул маленький рычажок, нажал на кнопку и двигатель заревел.

– А как вас зовут? – чтобы выпустить трескучее напряжение внутри спросил я.

– Юрий Александрович, – ответил майор – а вас?

– ...

Гулкий удар в бронестекло боковой двери прервал меня.

Сбоку внешний мир оказался закрыт чёрно-зелёной кляксой, разлетевшейся по стеклу.

Майор невнятно прорычал ругательство, затем сорвал рацию и стал кричать:

– Всем, кто слышит меня, говорит майор Коненков, уходите из лагеря. Уходите на чём можете: пешком, на машинах, велосипедах, водных лыжах, берите с собой как можно больше людей, уводите всех подальше. Ваша задача уйти как можно дальше отсюда!

Он бросил рацию каким-то беспомощным жестом, затем ударил по приборной панели.

– Протрепались, бляха-муха. А я ведь говорил. И ты ведь говорил, да? – он повернулся ко мне, как бы ища поддержки.

– Говорил.

Он дёрнул ручку передач, нажал на педаль, машина поехала задним ходом, сминая толпы уже добравшихся сюда троглодитов.

Это было как-то... Необычно. Они пришли сюда чуть ли не всем городом. В городе они набегали, только получив сигнал через сохранившиеся органы чувств, как животные. Но на том берегу реки не было всей этой орды, чтобы увидеть нас – они пришли сюда и пришли разом. Это было нашествие. Что-то бросило весь поднявшийся из мёртвых город на нас.

Удары о внешнюю сторону кузова стали настолько частыми, что это стало похоже на крупный град. Воя сирены и дождя в машине слышно почти не было – только удары и иногда хруст ломаемых колёсами костей.

Машина пятилась задом уже секунд десять, мы вполне могли ехать и по живым, по крайней мере мы уже точно въехали в зону обитаемых палаток, судя по этим самым палатками, мелькавшим в просветах стёкол, забрызганных спёкшимися мозгами.

Вдруг машина резко встала. Я испугался: подумал, что двигатель заглох. Нет – майор переключал передачу. Мы начали двигаться вперёд, разворачиваясь.

Я думал, такое бывает только в фильмах, но ирония судьбы видимо решила явить себя в своей красе здесь и сейчас. В совсем узкий просвет на грязном стекле я увидел голову с торчащим снизу позвоночником. Это был тот солдатик, который улыбаясь, протягивал мне руку, чтобы помочь войти в БМП, прежде чем включили сирену.

Мощные дворники разгребли грязную жижу на лобовом стекле, и майор пустил машину вперёд.

Мы ехали довольно быстро, но всё равно можно было рассмотреть творящийся вокруг ад.

Всюду, сколько хватало глаз, была колышущаяся орда мёртвых. Некоторые очень медленно, некоторые быстрее, заполняя собой пространство, предназначенное для живых. Отравляя своим гноем растёкшуюся от дождя землю, они ползли, карабкаясь, цепляясь за то, что осталось им от настоящей жизни, пытаясь утолить свой неутолимый голод, предназначенный только чтобы создать себе подобных, они захлёстывали живое поле людей, делая его кладбищем. Только это не было нормальным кладбищем, где покойники спокойно гниют в своих последних домах. Это был пир. Да даже не пир – торжество смерти. Мёртвые рождали мёртвых. И вот уже те, кто только что бежал от мертвецов, если количество укусов было не слишком

велико, чтобы повредить двигательные мышцы, теперь несутся за живыми в поисках новой плоти, чтобы посеять в ней смерть.

Мы поравнялись с беременной, с трудом бежавшей по коричневой жиже. Коненков остановился, чтобы втянуть её в машину. Новообращённый со скоростью бешеной собаки сбил её, они проскользили по инерции несколько метров, но даже во время этого скольжения он с нервной скоростью драл её на куски, женщина визжала, а потом замолкла. Мы могли только наблюдать.

Затем, невероятно, он остановился. Повернул её, что было немыслимо, нетипично для их поведения и принялся вгрызаться в раздутый беременностью живот, погружая свою ужасную ободранную голову всё глубже в чрево.

Майор резко ударил по педали газа – машина перемолола колёсами обоих. Я ударился головой о жёсткое сиденье.

Позади на поле что-то загрохотало. Это видимо была пушка БМП. Но что может эта пушка против мёртвой орды?

Остановка

– Остановите, остановите! – кричала Жанна.

Майор управлял машиной, сведя брови практически в единую линию, лихо закручивая повороты там, где этот военный вездеход встретил бы затруднения.

Мы бились головой о внутреннее «убранство» этого царского вида транспорта. Жёсткие сиденья били по заднице, когда мы падали обратно.

– Куда мы едем? – спросил я.

Майор молчал, но его устремлённые вперёд карие глаза давали понять, что мы едем в какое-то определённое место. Он что-то искал.

Я решил расслабиться: положил голову на боковое стекло, и меня тут же ударило об него, когда машина налетела на очередную кочку. Я снова сел ровно. Девочка сидела, как примерная школьница: руки сложила на коленках, сведённых чуть внутрь, лицо сквозь слой грязи бледное, глаза блестят. Угасла последняя искра надежды найти родителей. В её сознании происходили глубокие перемены, которые я не мог понять. Моё же сознание находилось в полном отлёте, единственным внятным чувством была радость от того, что мы выжили. Чувство, что мироздание смотрит на меня всегда во мне присутствовало, просто я отгонял его, смеялся над ним, как над бреднями суеверных бабок, но оно жило, таилось и давало о себе знать, когда набор случайных обстоятельств складывался так, что я в чём-нибудь оставался в выигрыше, не ударив пальцем о палец. Правда, такое случалось не часто.

На этот раз идея вырвалась из-под давления. Идея. Великая вещь. Она может заставить человека свернуть горы. Другой вопрос, что эти горы могут осыпаться другим на головы.

Именно тогда я принял свою миссию – катясь в военном броневике по неровным ухабам севера Русской равнины. Искренне, до конца, без сомнений. Я убедился в том, что избран. В моей голове до конца оформился План. Контур будущего человечества. И реализовать этот План могу только я.

Я привык зажимать себя в общественные рамки, хотя внутренне с ними никогда не был согласен. То, что я считал рациональным, другим могло показаться ужасным, непростибельным. Преступлением. Эти ядовитые осколки общественного давления ещё сидели в моей голове, но уже не оказывали решающего влияния на моё поведение.

«Худо или бедно...», – начал я рассуждать про себя, как машина заломила крутой поворот, и мы с Жанной стукнулись головами. «Худо или бедно, мы выбрались. Мы живы. Что ещё остаётся людям, оставшимся одним из миллиардов? Восстановление рода человеческого. Это естественно. Теперь мы не просто народонаселение и демографический показатель – мы фундамент будущего.» Что мне мешало осознать себя уникальной личностью и начать делать что-то хорошее для себя и общества раньше, я не знаю. Наверно, чувство никчёмности, ведь в массовом обществе все эти толпы людей – просто ресурс: оттуда зачёрпывают, как ковшом, просеивают: может что блеснёт и сыпают обратно. С них собирают налоги и берут свою цену компании, продающие товары, которые им не нужны. Продумывают, организуют, творят лишь 20 процентов людей, остальные на подхвате – обрезанные со всех концов эмбрионы личностей, необходимые для совершения мало связанной с развитием человечества работы и уплаты налогов. Лишние люди. В принципе, никто особо не мешает выбиться из этой массы, не 19-й век как-никак, но почему-то большинство предпочитает оставаться большинством и выполнять свою скучную рутинную работу. Суть в том, что эти люди участвуют в прогрессе примерно, как обслуга в доме барина: выполняют составленные кем-то планы. Реальная жизнь – это не то. Для меня – не то. Но тогда почему я не рвался локтями и зубами, чтобы ощутить жар власти, способности оказывать непосредственное воздействие на процессы? Спесь, гордость, подсознательная убеждённость в том, что мне все должны, что кто-то непременно должен оце-

нить мой интеллект. Страх проиграть. Хрен знает, что ещё. Но теперь, в результате ужасной катастрофы я оказался на острие. Я в фокусе. Я – кончик иглы всего человечества. Как тут не радоваться?

Бродячих трупов вокруг не было давно. За грязными окнами джипа были рощи наших северных берёзок, сменяемые проплешинами полян и тёмными зарослями хвойных.

Машина резко встала, нас болтнуло вперёд.

– Слушайте внимательно, – начал Юрий Александрович – мы сейчас двигались вдоль трассы, но на приличной дистанции. Всё это время нам везло, и мы не застревали. Но чем дальше, тем меньше шансов у нас не влететь в какое-нибудь болото. Сейчас я поверну руль, и мы подъедем вплотную к дороге. То, что вы там увидите – результат реализации правительственного приказа. То есть так было надо. Всё, что сделано правительством, сделано для безопасности и выживания людей. Это ясно?

Он ждал ответа. У меня было ощущение, что дьявол предложил мне сделку. Я ведь теперь надежда человечества, так что есть повод проявить характер.

– Допустим, – я не стал соглашаться.

– Ладно, допустили, – он помолчал – Я только хочу, чтобы вы не паниковали, – уже мягче сказал он – То, что было сделано на той дороге и на других крупных магистралях, выходящих из мегаполисов – сделано лишь раз и больше не повторится. Тогда ещё никто ничего не понимал.

Значит, это что-то омерзительное.

– Дорога заставлена машинами, нашу придётся оставить и идти пешком.

После этого он отвернулся и стал выкручивать руль, уводя нас с живописной поляны, обосновавшейся среди берёз, как капля масла в воде.

Перспектива выйти из бронированной машины на съедение мёртвым как-то совсем меня не улыбнула. Это было как, если младенца выбросить из колыбели.

Что Жанна? Она молча сидела и смотрела вперёд. Удивительное создание. Всё примет, всё снесёт. Ради чего?

Видимо мы оказались в зоне действия портативных раций военных: рация в машине зашипела, оттуда долетел невнятный голос. Из-за шока я не ощутил времени в пути, но предположительно мы были достаточно далеко от уничтоженного лагеря. Значит рацией пользовались другие выжившие на мясобоине. Чем ближе мы подъезжали к дороге, тем отчётливей слышался голос в динамике.

– Майор Коненков, кто говорит?! – наконец ответил майор.

– Хуй в пальто! Вы где?

– Едем в сторону шоссе, по правую руку от дороги. Будем на асфальте минуты через три.

– Где именно?

– Точно сказать не могу. Где-то пятнадцатый километр, мы не могли дальше уехать по пролескам.

– Понял, встретимся там, конец связи.

– Вы их знаете? – спросил я.

Майор не ответил.

– Считаете, этим людям можно доверять?

– Говорили по военным частотам, – коротко отрезал Коненков.

Вопрос оказался сложнее и уместнее, чем мне и майору хотелось бы. Это как то, что не стоит говорить в компании взрослых людей в присутствии всех собравшихся, даже если все они доверяют друг другу. Такие вещи обсуждают тет-а-тет.

– Честно, не знаю, – сказал майор так, что воображение дорисовало жест, как он машет рукой.

– Сейчас наверно никому нельзя, – сказал я в воздух.

– Прорвёмся, – сказал Коненков.

– Вот и дорога.

Мы оказались в низине перед уходящим вверх склоном, по которому и шло шоссе. Тут надо сказать, что в тех краях очень много воды, так что дороги строили либо на возвышениях, либо строили возвышения специально для дорог, так, чтобы любая вода: дождь или талый снег скатывались вниз. Местами эти насыпи очень круты, так что вряд ли бы туда забрался даже военный «Тигр». Но мы собирались подняться туда пешком. И через мгновение после выхода из машины я понял почему.

На гребне дороги, как асимметричный позвоночник растянулась сплошная линия машин. Все они смотрели в противоположную от города сторону. Почти у каждого автомобиля в кабине виднелись сгорбившиеся силуэты людей.

Мы остановились практически у основания склона, не доезжая пяти метров.

Двигатель был заглушен. Мы вылезли из машины и осмотрелись. Никого не было – только тишина. Эти звуки... Точнее тишина, выраженная в звуках: шуршании высокой травы в низине, в которой мы находились, в свисте ветра в ветках, оставленных позади деревьев – это было как будто прощание.

– Надо залезть наверх и осмотреться, – голос майора прозвучал как-то глухо.

У меня возникло ощущение, что это не странности вокруг меня, а я сам будто выключен из мира – как будто я оглох и начал терять чувствительность по всему телу. Вырвавшееся чувство вседозволенности захлёстывало меня. С каждым мгновением оно становилось сильнее. Сначала это была дикая радость, когда мы с девочкой бежали по петербургской улице к машине, потом резкое чувство порыва с прошлым и вот – апогей. По крайней мере, так я думал в тот момент.

Меня сильно потрянуло. Это майор взял меня за плечо своей мощной рукой и встряхнул.

– Ты замёрз, парень?! – крикнул он.

– Нет, просто... Красиво здесь.

Он дико посмотрел на меня.

– Идите за мной. Девочку, конечно, лучше оставить здесь.

– Нет, я пойду, – тихо, но убеждённо высказалась Жанна.

Юрий Александрович дёрнул щекой.

Пока мы поднимались, я попытался представить судьбу приютившей нас в палатке семьи. Очень не хотелось этого делать, потому что это отрывало от окрыляющего чувства свободы, что бродило и пузырилось в крови. Я даже испугался этого всепоглощающего чувства. Оковы, условности, которые и конструировали общество, больше не существуют... Оно кружило голову и отключало мыслительные процессы.

Подъём был невысоким, но почти непреодолимым: за годы, что вода стекала по этому склону, он превратился в оголённое русло высохшей речушки с мелкими ползучими камушками и потёками глины, которая к тому же, размокла под прошедшим только что дождём. Несколько раз мы скатывались вниз. В какой-то момент стало даже смешно: перед нами в общем-то невысокое и не самое крутое препятствие, но мы, как скинутые в унитаз тараканы, не могли на него взобраться, то и дело откатываясь вниз.

– Эх, где мои пятнадцать лет, – пробурчал майор.

Что могло случиться и, вероятнее всего, случилось с той семьёй было очевидно. Они умерли и восстали. Я нарочно пытался представить себе, как искорёженные черепашки оголёнными зубами впиваются в дебелие бёдра выбежавшей из палатки жены Василия. Как её там звали? Лиля? Как её заваливают и отрывают от неё куски мяса, как она в конвульсиях, теряя кровь, теряет сознание. А потом её глаза вновь открываются. Только это уже не она. И, возможно, именно её зубы – зубы родной матери перегрызли горло маленькой Марусе. Но это лишь моё воображение.

Этим созданиям нужны зубы, чтобы размножаться. Они не производят потомство – они захватывают уже созданное, плодя себе подобных. Не сливаясь в порыве страсти, а используя слюну, чтобы пустить по артериям яд.

Я нарочно драконил себя этими картинками, чтобы вернуться с небес на землю.

Когда мы скатились к основанию дорожной насыпи в очередной раз, я случайно встретил взгляд Жанны. В её глазах читался такой страх, что он невольно передался и мне. Холодная волна остудила моё возбуждение, и я, как будто её глазами увидев себя, понял, что широко улыбаюсь. Судя по тому, что у меня сводило мышцы лица, улыбаюсь давно.

Кое-как я привёл мимику к стандартному состоянию. Хотя мне всё равно казалось, что хоть уши, да выдают мою эйфорию.

Резкий голос майора в очередной раз вытрезвительно подействовал на мою психику. Он раздался неожиданно и сверху.

– Подождите, не карабкайтесь. Откройте грузовой отсек джипа – там есть верёвка. Поживее.

Я с половины склона спустился к машине, с опаской глядя на лес. Потёки грязи на склоне закрыли собой на время всё обозримое пространство, а вот лес мог скрывать в себе что-то. Не имея понятия, как открывается багажная дверь, а кричать назад очень не хотелось, я открыл заднюю, впрыгнул в машину и перегнулся через заднее сиденье, перебирая разный хлам в поисках верёвки. Наконец, я нащупал её, выдернул. Прежде чем разогнуться обратно, я ощутил присутствие рядом с машиной.

Я не закрыл дверь.

Леденя, с сердцем, сжатым в комок, я сел повернул голову и... Там никого не было. Фантомная интуиция. Просто показалось. В детстве я очень боялся всякого, что может жить под кроватью и часто бегал к маме с папой в кровать, когда я буквально физически ощущал какое-то присутствие. Но это всегда был лишь обман моей собственной фантазии.

Я выбрался из машины и пошёл к насыпи. Майора наверху не было.

«Чёрт, покойники его сожрали, что ли?», – подумал я. Не люблю, когда во время командной работы люди просто пропадают. Позвал нас – так жди теперь.

Мы с Жанной стояли внизу и ждали. Мне это показалось унижительным, я даже подумал карабкаться вверх, но почему-то не хотелось позориться перед этой маленькой особой.

– Ты как? – спросил я, чтобы как-то заполнить тянущееся время.

Девочка посмотрела на меня исподлобья, как будто хотела сказать: «Поздно ты спрашиваешь».

– Нормально.

Готов поклясться, что в этом голосе звучала взрослая женская обида. Хотя выдавать желаемое за действительное – один из моих коньков.

– Пить не хочешь?

Она промолчала.

«Как знаешь», – подумал я. А потом ещё подумал, что у нас нет воды. Вот что не было моим коньком, так это заботливость и внимательность к окружающим.

Прошло долгих десять минут. Мы двое переминались с ноги на ногу.

Крик с дороги застал меня, когда я отливал в ближайших зарослях высокой травы. На ходу застёгивая штаны, оскальзываясь, я вышел к основанию насыпи.

– Ну что там? – спросил я.

– Всё чисто. Верёвку нашёл?

Я подобрал с травы верёвку. К тому моменту я уже изрядно замёрз, так что взять её плохо слушающимися пальцами, было трудно. Один конец полетел наверх. В фильмах у них всегда так просто это получается, а вы попробуйте кинуть тонкую верёвку на три метра – она и полтора не пролетит. Не камень же к концу привязывать...

– Кидай весь моток, а сам держи за конец! – крикнул майор.

Он с высоты смотрел по сторонам, оглядывая пространство у нас за спинами. Не известно, что выминало мертвецов из города в лагерь – они вполне могли прийти сюда.

– Блядь, ну пиздец, – тихо проговорил я себе под нос, сматывая верёвку обратно – Заебься её заматывать.

По ходу я разобрался, что лучше наматывать её между локтем и ладонью, согнув локоть под 90 градусов. Моток был снова готов, я неловко размахнулся и швырнул его вверх. На этот раз верёвка долетела. Майору всё равно пришлось чуть-чуть съехать, чтобы подобрать её, но полдела было сделано – теперь нужно было ждать, пока он её привяжет.

Наконец, раздался призывный клич. Приглашающим жестом я отправил Жанну вперёд, чтобы её страховать снизу. Но до этого не дошло: верёвка поехала сама: майор сверху тянул её, своими могучими руками. Затем конец верёвки упал к моим ногам, я взялся и переставлял ноги, пока не заехал на самый верх насыпи.

Вид оттуда открывался неплохой. Голые поляны, возможно, отнятые когда-то у леса, разделённые узкой полосой насыпи, на гребне которой застыл поток автомобилей. Зрелище занимательное, если бы не «но». В этих машинах были покойники. Не троглодиты, а именно покойники. Люди сидели в разных позах: кто-то, упав головой на руль, кто-то – запрокинув съёженное лицо в потолок, кто-то – скрючившись на заднем сиденье. Все они были мертвы окончательно.

Кажется, меня тогда пробила дрожь. Я засмеялся и ударил руками по бёдрам.

– Вот ссучьи потроха. Это нас так защитили? Не знали, что за рулём могут сидеть исключительно не обращённые в троглодитов люди – решили всех здесь остановить?

– Я же просил держать себя в руках, – требовательно сказал майор.

– Да я и держу, вот смотрите, – я обхватил себя – только как это оградит нас от опасности стать покойниками?

Я говорил уже так, как говорят зоологи о видах животных, с той лишь разницей, что речь шла о разновидностях мёртвых человеческих тел: покойники – упокоенные мёртвые, они больше не ходят, а троглодиты – это... Ты понимаешь.

– Причин, по которым, они такими стали больше нет. Повсюду была паника...

– Только не в городах – людей просто не проинформировали о происходящем.

– А надо было, чтобы помимо мёртвых, ещё и живые начали топтать и убивать друг друга?!

– Да пусть хоть так. Люди имеют право защищать себя сами. К чему привело это замалчивание? Всё равно все умерли! – я развёл руки, указывая на автомобильный ряд.

– Что было, то было, – неожиданно спокойно и рассудительно сказал майор.

Я думал, он ещё продолжит спорить, как военный, привыкший считать, что всё благо исходит от начальства.

– Куда теперь? – спросил я.

– Пока никуда. Ждём группу выживших, – он махнул рукой в направлении оставленного джипа, как бы напоминая про сообщение по рации.

– Мы замёрзнем.

Солнца уже не было, дождя, насколько помню, тоже, но было ощущение, что к вечеру, вся эта влага в воздухе и в нашей обуви обогатится прекрасным охлаждающим свойством.

– Есть где погреться, – небрежно обронил Юрий Александрович.

Я посмотрел вдоль дороги. Повсюду стояли металлические конструкции с покойниками внутри.

«Погреться».

– А почему у всех машин выключены двигатели? – спросила Жанна.

Майор помолчал, почесал подбородок.

– Мне все детали не известны, но насколько могу судить, изначально планировалось, что остановят только движки. Сейчас большинство машин с электроникой, так что достаточно хорошего ЭМИ-удара и двигатели отключатся. Но наш народ очень мастеровит... Бывает. И многие залезли под капот, поколдовали там, и некоторые машины снова завелись. Начались давки и драки, потому что те, у кого машины были на ходу, не могли объехать тех, кто стоял. Ну, в общем... Дальше сама, девочка.

– А чем их так? – спросил уже я.

Я думал, он не ответит, но он среагировал:

– Не знаю.

Кожа на них была сморщенной, как будто из людей выпарили всю влагу разом. Не знаю, что это было за оружие, но оно убило всех.

Мы дождались группу. Она состояла из нескольких женщин и мужчин, одного младенца на руках женщины, одетой в ночнушку и кроссовки, и троих парней с автоматами – всего около десяти человек. Один, видимо старший по званию приветствовал майора, отдав ему честь. Ни одного имени я не запомнил.

Майор приказал дать женщине в ночнушке какую-нибудь одежду, затем был короткий спор о том, где всем остановиться, чтобы перевести дух и решить, что делать дальше. Нежелание вытаскивать высушенные трупы из машин, чтобы занять их место победило, и мы по очереди, страхуясь верёвкой, заскользили вниз.

На распутье

Люди были напуганы. Многие были не в состоянии двигаться. Но двигаться было нужно. Позади нас остался океан мёртвых, движимый неизвестными силами, и ждать, когда этот океан достигнет нашего броневика, совсем не хотелось.

Женщину с ребёнком укутали во что было. Жанна, покопавшись в рюкзаке, нашла расчёску и мыло – дала их молодой матери, чтобы та помыла ребёнка и расчесала спутавшиеся волосы. Когда женщины и моя Жанна удалились, я остался наедине с пахнущими кислым потом военными и несколькими мужчинами из гражданских.

– Так, господа, – начал майор – вот что мы имеем. У нас есть несколько стволов, но патронов мало. Еды нет. Вернуться назад мы не можем. На мой взгляд, всё, что нам остаётся – это двигаться вперёд.

– К чему двигаться?! – крикнул один гражданский, одетый в синюю спортивную куртку и спортивные штаны.

– Если двигаться по этой дороге от города, мы очень скоро выйдем к одному из городов-спутников Питера. Там будет и еда и...

– Троглодиты, – вставил другой гражданский.

Он чем-то напоминал сотрудника банка: коренастый, с круглым животом, в порванной рубашке с белым воротником. Точнее, он когда-то был белым.

– ... крыша, – закончил майор – В любом случае, это будет лучше, чем торчать здесь и отправиться на корм или просто умереть от голода.

– Ну допустим, – очень нагло, как будто ему все тут должны, произнёс парень в спортивном костюме – а если дохлятина там тоже есть?

– Не «если» – троглодиты там точно есть. Но их там гораздо меньше. Кроме того, насколько мы можем судить, к нам в лагерь их привели, они управляемы. Лагерь был большим, кто бы ни руководил ими, он знал, что мы там. Теперь эффект неожиданности будет на нашей стороне.

– А кто их туда привёл? – не унимался парень – Может быть, это животные, кто-нибудь видел хоть одно животное с тех пор, как этот пиздец случился?

– Кхм. Женщин здесь нет, – майор тяжело посмотрел на парня в спортивке, его манера разговаривать начинала раздражать – У нас сейчас одна дорога, – жёстко сказал он, отрезая дальнейшие рассуждения – сейчас нам надо прорваться в один из городков на этой дороге, рассчитываем теперь только на себя.

– Может, нам лучше ехать на этом, – банковский сотрудник осмотрел внутренность джипа, где мы находились.

– Джип не проедет по тем болотам, тут гусеничная техника бы пригодилась. Дорога полностью заблокирована машинами, сами видите. И вот что... Идти нам придётся тоже не по дороге, – он поднял руку, чтобы остановить готовящуюся волну возгласов – теперь люди нам тоже враги. Ещё раз говорю: с этого момента мы сами по себе. Это значит, что, за исключением правительственных сил, если они ещё где-нибудь остались, мы должны относиться ко всем встреченным живым людям очень подозрительно.

– Мне бабушка рассказывала, – вставил я – про случаи каннибализма в блокадном Петербурге. Говорила, что у тех, кто ел человечину, глаза светились.

– Они светились, потому что тот, кто съедал хоть что-то, выглядел лучше, чем остальные и окружающим казалось, что он светится, – спокойно объяснил Коненков – Всё, отбой. Ждём женщин и идём. Возьмите всё, что есть полезного в машине.

– А что тут можно взять? – полушёпотом спросил банковский клерк.

Когда спина майора скрылась за насыпью дороги, парень в спортивке громко, но не слишком, чтобы майор вдруг не услышал произнёс:

– А чего эта сука тут командует?

– Да заткнись ты уже, – сказал банковский служащий.

Парень со злостью в утонувших под низкими надбровными дугами глазах посмотрел на него.

– Не забуду.

В путь-дороге

Ну, вот мы и идём. Если честно, эмоционально всё то, что произошло с лагерем и дальше, до меня в полной мере ещё не дошло. Как в самом начале – когда мозг отказывался верить в происходящее. Разница была, пожалуй, в том, что тогда это было просто... Ну, немыслимо, такого не бывает, это просто что-то невообразимое, не реальное, чушь, фантастический бред, лютая ахинея. А в теперешней ситуации мозг просто не успел отойти от впечатления о лагере и его гибели и перейти к дальнейшим событиям. Я не мог зацепиться за происходящее вокруг, всё текло, а я бултыхался в этом течении.

Когда мы выходили, я обратил внимание на майора Коненкова. У него было что-то с лицом. Самое точное слово будет: «осунулся». С трудом раньше представлял себе, что значит осунуться, когда читал книги – теперь увидел. Это как сгорбиться внутренне, при этом кожа на лице становится как бы тоньше или суше, кости и хрящи носа сильно проступают, скулы – тоже, а глаза буквально в течение нескольких часов вдавливаются на несколько сантиметров глубже в череп. Уверен, что этот Юрий Александрович пережил очень многое ещё до того, как начались события последнего месяца, потом он много претерпел, когда жизнь привела всех этих офицеров в погибший лагерь, а теперь он лишился последних товарищей. Одиночество может быть физическим, когда вокруг тебя просто нет людей, а может быть публичным, когда все люди, которые тебя окружают, не близки тебе до степени органической неприязни.

Куда он хотел отвести нас? Нет, не в тот конкретный момент, а вообще – каков был генеральный план? Не думал же он, что все эти люди дойдут до Севера.

Один я знал, что собираюсь делать.

– Идём на север? – спросил я тихо.

– На север.

Его голос звучал отстранённо.

Я взглянул на Жанну. Как ни странно, она выглядела лучше. В её походке и задумчивом взгляде было что-то решённое. Она шла, независимо размахивая руками в такт шагам, легко перепрыгивала через водяные пятна, лежащие на земле, помахивала хвостом каштановых волос. И куда они засовывают эти заколки и резинки для волос?

Пока что мне было выгодно оставаться вместе с группой, но когда-нибудь я улучу момент, чтобы уйти, желательно с запасами. И в идеале, убедившись, что за нами никто не последует. До этого надо научиться у Юрия Александровича всему, что поможет в выживании. Меня очень напрягало его бульдожье лицо, всегда было ощущение, что он понимает гораздо больше, чем говорит. Порой его взгляд был настолько умным, что я сомневался, что он был майором армии – скорее каких-то спецслужб. Мне даже иногда казалось, что он может понять мой План и частично согласиться с ним. Но была проблема: я не хотел и не умел делиться.

Перед нами лежали северные просторы Русской Равнины: болота, леса, леса, леса, высокая трава и болота. Конечно, не те болота, в которые можно провалиться с головой, потому что вдоль дороги они были высушены, но идти было до невыносимого тяжело. Но мы шли. Обувь хлюпала, наполнившись водой, пальцы ног леденели. Потом оледенели ступни. Холод становился нашим новым врагом.

Солнце сползло к горизонту, постепенно сентябрьская прохлада, которая радовала петербуржцев после нескольких месяцев душной питерской жары, облепляла нас мокрым саваном. Тело ещё хранило тепло, периодически доставляемое из-за туч солнечными лучами, но всё чаще по нему пробегали мурашки. Замёрзшие ноги – это залог замерзания всего организма, а замёрзнуть в окружении водянистой почвы, без единого проблеска надежды на скорое тепло и еду – это смерть.

Каждый чавк ноги в сырой траве отдавался глухим эхом в моих ушах. Я шёл, сосредоточившись на своём Плане, уйдя от этой противной реальности. Хотелось поскорее перешагнуть через все эти дрызги, трудности и холод, чтобы скорее оказаться в своём обществе. В своём и только в своём. Построенном и управляемом мной.

Не знаю о чём думали остальные, мне кажется, о каких-нибудь хлопьях с горячим молоком. Многие бессмысленно смотрели себе под ноги, было чувство, что эти люди не особо хотят выживать. Это дико, но это правда: далеко не во всех инстинкт выживания заявлял о себе достаточно громко, чтобы мобилизовать физиологические ресурсы. Ведь всё живое хочет жить, но городская жизнь заглушает в человеке животную составляющую, делает его слабым, так что ему проще сдаться и умереть, чем переносить эти страдания. Большинство были обычными горожанами со своим обычным, растущим из изнеженности, мировоззрением, которое я глубоко презирал. Это как раз те люди, за умы которых борются политики и общественные деятели всевозможных сортов.

С улыбкой вспоминаю, что мне тогда пришла в голову мысль о деньгах. Какой аналог денег ввести в оборот? Бумага не пойдёт, человечество слишком долго шло от блестяшек к бумажной имитации блестяшек, а для цифр на банковском счёте теперь просто нет технологий. Удивительные возможности – всё с нуля!

Тройка автоматчиков клином шла за майором, он что-то сказал им, и двое отделились, пропустили колонну выживших и пошли последними. Это были молодые парни, явно не контрактники, но успевшие кое-чему научиться за время короткой службы в войсках. На них была форма нового образца – цифра в зелёной гамме, но не было погонов. Офицеры приказали срезать их – видимо тоже хотели строить новое общество.

Меня поражало полное отсутствие правительственных сил. Вся мощь, вся информационная поддержка и технологии, дроны и вертолёты, спутники и прочее, что должно было уничтожать противника и защищать в случае полномасштабной войны, как будто испарилось. Да и защищать теперь было некого, кроме самих себя.

Я злился. Моя девочка шла, как будто меня не было! Я очень хотел напомнить ей о себе, что я тут, и она моя, но боялся даже взять её за руку. Это выжигало мозг. В какой-то момент даже мысль о Плане перестала греть мне душу, надо было вывести девочку на контакт, иначе эта неопределённость и дальше будет подтравливать моё настроение. Но мы шли колонной вдоль дорожной насыпи на вершине которой топорщились машины, по тропе, которую прокладывали майор и солдат, идущий вторым, так что отойти чуть в сторону, чтобы дать ей возможность поравняться со мной, значило не только рискнуть провалиться по колено в воду, но и привлечь лишнее внимание. Оно мне было ни к чему.

– Долго нам ещё идти, товарищ майор?! – раздался возглас сзади.

Это был какой-то неприметный человек, который всё время нашего обсуждения маршрута молчал. Слабое звено.

Коненков смолчал, ответил за него солдат, идущий вторым – видимо решивший, что он старший помощник.

– Сколько надо, столько и будем идти, – грубо сказал он.

Когда дорога и насыпь, на которой она располагалась, поворачивали, лес становился критически близок. Но это был не тот лес, куда многие выезжают на шашлыки по выходным и праздникам. В свете всего случившегося и без животных это столпотворение деревьев было как раскрытый склеп с колоннами, где обитают мёртвые.

Куда подевались животные?

Поначалу я думал об этом только как об угрозе быть заражённым каким-нибудь поганым голубем или крысой, но потом стал думать об отсутствии животных, как об отсутствии источника питания.

В животе сосало, как будто желудок пытался затянуть в себя трубку пищевода и растворить её, отправив полученный белок в мышцы. Голод стал вторым врагом после холода. Цивилизованный мир забыл этих древних врагов.

Сзади что-то громко чавкнуло и раздался звук, похожий на вздох возмущения. Я оглянулся и выгнул шею, чтобы увидеть, что творится в середине колонны. Упал один из членов группы: женщина с ребёнком. Ей говорили, чтобы она отдала его на руки кому-нибудь из мужчин, когда мы ещё только выдвигались, но она с каким-то отсутствующим лицом отказалась. Я не придавал особого значения этому кульку у неё в руках, но после падения обратил на него внимание. Не было детского покряхтывания, стонов и плача. Так что, либо этот ребёнок был уже мёртв, либо это новый спартанский царь Леонид, героически переносящий тяготы и невзгоды с младенчества.

Женщину подняли, что-то сказали ей, она мотнула головой – отказалась, что-то пролопотала. Мимо меня прошёл Юрий Александрович. Он остановился в середине колонны, что-то сказал – я опять не расслышал. Жанна тоже вступила в разговор – похоже, она что-то доказывала. «Хуй вам, а не ребёнок, – подумал я за эту несчастную мать – дети теперь наиценнейший ресурс.» Это будущее. Так было во все времена, а теперь нужно было беречь их изо всех сил, так, чтобы с их головы не падало ни одного волоска. Это жестоко, но, когда людей были миллиарды, гибель младенцев была лишь статистикой, потому что рождаются сотни миллионов других – теперь всё поменялось. Родить и вырастить превратилось в подвиг в подлинном смысле этого слова.

В колонне раздался крик. Внутри у меня всё сжалось, захотелось ударить эту дуру. Ей пытались объяснить, что все пойдут быстрее, если она отдаст свой кулёк кому-нибудь, но женщина упорно отказывалась. Что-то высоко говорила Жанна. Не знаю на чьей стороне она была, но догадываюсь. Хорошая сердобольная девушка. Годный материал.

Наконец, все встроились в колонну, мы снова двинулись.

Темнело. Угроза замёрзнуть перестала быть угрозой и стала реальностью. Одежда людей, бредущих позади меня, не позволила бы им протянуть ночь в этой сырой холодной пустыне. Думаю, у майора были спички, но не было топора, чтобы нарубить годных для костра дров. Сырость вряд ли бы дала разжечь даже тонкие ветки.

Мы опять остановились. Точнее остановился майор, и я чуть не врезался в спину солдата, шедшего передо мной. Внутри шевельнулся тиран, который не терпел прямого проявления власти над собой, даже если это проявление было оправдано. Пожалуй, главное отличие политика от военного, из-за которого последних не подпускали к власти в развитых государствах – это чрезвычайная прямолинейность. Я пригладил себя, как кота, заставив думать, что я сам добровольно отдал себя под командование этого человека. В конце концов, выжить с ним шансов было больше.

– Поднимаемся вверх, дальше идём по шоссе.

– А чего мы раньше не поднялись и как бараны шлёпали по этим лужам? – раздался гнусавый голос парня в спортивном костюме.

– Кхм.

Я понял, что майор кашлял так, когда испытывал неловкость или желание кого-то грубо заткнуть, но воспитание не позволяло. Он воспринимал такие выпады как эксцессы, не имеющие право на существование, так что слова «заткнись, сука, ты чо, охуел» заменял на скромный кашель.

Он взял себя в руки и внешне спокойным голосом, в котором, однако, слышалось клототание ярости, сказал, как дурачку.

– Раньше было светлее, нас мог заметить кто угодно. Сейчас мы можем подняться и дожидаться полной темноты в машинах. Если они заведутся, включим печки и обогреемся.

По колонне прошла волна воодушевления. Всем, и мне в том числе, хотелось скорее оказаться внутри салона. Никто даже не вспомнил о покойниках внутри. Это было как соревнование аборигенов, устроенное колонистам на потеху, где призом служило изобретение цивилизованного общества: все потеряли головы и ломились вверх по склону сквозь траву и невидимые в темноте лужи, желая поскорее занять тёплое место. Пока остальные скатывались обратно и мазались в грязи, майор Коненков и пара солдат размотали верёвку и привязали её к пистолету. Майор, что-то говоря, показал на колесо грузовика, свисающее с дороги – водитель, видимо выкрутил руль за секунду до смерти. Он раскрутил верёвку с пистолетом, и бросил её вверх. Верёвка, как заговорённая, влетела в промежуток между колесом и кабиной грузовика, майор потянул вниз и на себя, верёвка чуть подалась, а потом застряла. Импровизированный крюк за что-то зацепился.

Вверх полез самый шуплый из троих пацанов в форме. Он старался идти самостоятельно, не сильно натягивая верёвку, но один раз поскользнулся и поехал бы вниз, если бы не ухватился за неё. Майор крикнул ему снизу, что она держится крепко, так что лучше идти как скалолаз: постоянно пропуская верёвку назад, чем ещё раз упасть и вырвать её из гнезда. Парень помедлил, прикидывая как лучше держаться, а потом пошёл.

Наверху он показал большой палец вверх и устало улыбнулся. Затем залез под грузовик и долго возился там. Остальные уже оставили попытки забраться – только самые тупые, в том числе парень в спортивке, всё ещё карабкались.

Минут через пять, которые, когда ты переступаешь с ноги на ногу, словно хочешь отлить, кажутся невыносимо долгими, я услышал звон металла. Пистолет был наконец-то отвязан, потом, спустя ещё пару минут, верёвка задёргалась и улеглась. Парень вылез и крикнул «всё готово».

– Хорошо проверил? – крикнул майор в ответ.

– Да, вроде, – тихо сказал парень.

Времени уточнять это «вроде» не было. Майор махнул рукой, и остальные солдаты один за другим влезли наверх тем же методом, что и первый: упёршись в склон ногами и перебирая ладонями верёвку, подтягивая себя вверх.

Я был следующим, хотя кто-то, как в метро перед самыми дверями, пытался затесаться между мной и концом верёвки.

На последних шагах солдаты поймали и подтянули меня за руки. Когда дошёл черёд до женщин, майор снизу обмотал ту, что была с ребёнком за талию, что-то сказал ей, наверно в духе «держи младенца крепче» и махнул рукой снова. Солдаты потянули верёвку, что было не лучшей идеей, но сама она бы не забралась, потому что руки были заняты ребёнком. Тонкая, прочная верёвка впилась в её поясицу и девушка, кривясь от боли, начала неуверенно представлять ноги. На середине склон стал круче, женщина закричала от боли: верёвка под давлением её собственного тела стала переламывать её в поясице. Солдаты прекратили тянуть, но это не помогло: она по-прежнему стояла на склоне, медленно, но верно выгибаясь назад, и орала всё громче и громче. Младенца (или мёртвого младенца) она крепко прижимала к груди.

Последнее, что я видел перед тем как отвернуться от этой глупости – это, как один из солдат заскользил вниз по верёвке и встал сзади девушки, своим телом выпрямив её спину, а двое других упёрлись ногами в асфальт и отклонились назад, чтобы компенсировать возникший перевес.

Я осмотрелся. Вокруг было всё то же поле, отнятое у бескрайнего русского леса. Вырубленное тщательно: даже пни были выкорчеваны. Метрах в двадцати от дороги начинался этот самый лес. Растения были обычными: белые берёзы с уже явными отпечатками осени – жёлтыми листьями на длинных изящных ветвях, перемежались с тёмными елями, опустившими свои мохнатые, хвойные лапы почти до земли. В лесу теперь могло быть всё что угодно, только не олени, кабаны, лоси и даже не волки. Куда делись все животные?

Выбрать машину оказалось не сложно: одна жёлтая «Бугатти» стояла посреди разномастных, тоже не дешёвых, но выглядящих по сравнению с ней одинаковыми, машинок. Вдруг я полетел на асфальт. Это ублюдок в спортивных штанах и олимпийке подставил мне ногу и толкнул. Он, скалясь, как обезьяна, через плечо, скакал к этой машине, разбил стекло, матюгнувшись от боли, вытащил сжуренного бородатого водителя в коричнево-золотых мокасинах из кожи какой-то рептилии, скинул его ногой на другую сторону ската дороги, залез внутрь и захлопнул дверь.

Я встал, сделал пару шагов к машине, с намерением разбить лицо этому выродку, но меня остановила мысль о более изошрённой мести. Идиот не подумал, что отсутствие стекла не даст ему согреться: всё тепло, при условии, что он вообще сможет завести двигатель, будет улетать в окно. А когда он вылезет я слегка улыбнусь ему, посмотрев, как на дурачка.

Но он был наказан сразу: машина просто не завелась.

Смотреть на окрестности с узкого хребта дороги было приятно. Не хотелось уходить отсюда, потому что человек любит простор, а вид обширных полей после топкого болота давал чувство этого простора. Но дальше, с обеих сторон начинался лес. Мёртвый лес.

Не видел, как вытащили женщину с младенцем из оврага, слышал только крики и всхлипы. Но я был уверен, что она всё также прижимает к груди этот непонятный кулёк. Не стану забегать вперёд и рассказывать о том, как нам повезло, что этот ребёнок не был заражён вирусом смерти.

Остальные, забравшись наверх, стали обшаривать машины, почти не считаясь с покойниками, спёкшимися внутри целыми семьями. Люди вели себя как шакалы, которые добрались до дохлой туши бегемота. Расковырять железную шкуру багажников было не просто, но они активно старались. И я был среди них. Хотелось есть.

Вся еда, с которой мы с Жанной покинули мою квартиру, утонула ещё в том канале, из лагеря мы ничего захватить не успели, спасаясь бегством. Оставалось только сжать зубы и потрошить наполненные странным запахом, лишь отдалённо напоминавшим запах разложения, машины. Я всегда удивлялся: зачем при современном развитии технологий изобретать какие-то пули и бомбы, когда можно просто поставить какой-нибудь излучатель и без затрат на сборку одноразовых снарядов поджарить миллионы людей? Видимо, подобное посетило не только меня, и у военных нашлись средства на воплощение такой идеи.

В салонах автомобилей пахло какой-то смесью горелого мяса, озона и сладкого аромата гниения. Видимо, бактерии, пожирающие наши тела после смерти, не особо любили сушёное мясо. Трупы были мумифицированы.

Моя принцесса снова ходила за мной по пятам. Давление мёртвого леса со всех сторон и вид иссушённых тел за рулём отрезвил её от излишней храбрости и самостоятельности, из-за которых я было занервничал. Я бродил петухом, чувствуя себя переполненным её вниманием, заглядывал в салоны, вместо того, чтобы забиться в один и попытаться завести машину, чтобы согреться. Самец должен носить еду. Надо было воспитать в ней эту мысль. Однако был ещё один нюанс. Я совершенно не разбирался в технике, так что починить что-то в машинах с выжженными электромагнитным ударом мозгами я не мог. Оставалось бродить и изображать заботу о нас.

Кто-то смог открыть багажник стареньких «Жигулей», у которых просто не было электронных мозгов, которые могли выгореть. Было видно, что после электромагнитного импульса, обездвижившего большинство машин, водитель, также как водитель того грузовика, за который мы зацепили верёвку, пытался вырулить и объехать резко заглохшие иномарки, но был высушен вторым, направленным уже против людей, импульсом. В багажнике нашлась запасная шина, канистра с синей жидкостью и лом. Теперь всё стало проще. Забравший лом солдат, раскурочивал замки багажников, соскабливая краску, доставал что там было и бросал на землю, мол всё общее – бери что кому нужно, и кто что сочтёт полезным. Армейское воспитание.

Наконец, мы залезли в кузов того самого грузовика, за который цеплялись, чтобы вылезти на дорогу. Там уже сидели женщины и недобро поглядывали на ту, что была с кульком. Её объект ревности и обожания. Её идол. Думаю, она бы за него убила. Это нормально для матерей, но конкретно эта просто сошла с ума.

Мы загрузили еду наверх. Кузов оказался отапливаемым, машина была произведена в те времена, когда внутри грузовиков могли перевозить не только грузы, но и рабочих, так что, если дело обстояло зимой, то внутренняя часть кузова отапливалась вонючим воздухом с примесью солянки из двух прямоугольных тумб.

Серо-алюминиевые стены, исцарапанные и перемазанные, не добавляли уюта, но тут мы начали согреться. Когда люди повытаскивали из своих промокших ботинок ноги, я был даже рад запаху солянки.

Снаружи совсем стемнело. Хотелось спать. Внутри кузова на мгновение показалось, что жизнь начинает налаживаться. Почему мы так стремимся к комфорту? Такое чувство, что все изобретения и открытия были придуманы именно для него. Одной ногой человек стоит в могиле, другой – ищет комфорт. В этой непонятной глуши, вдалеке от всего, к чему мы привыкли, все эти люди и я, скрючившись в старом, вонючем грузовике, расслабились, как будто нам снова было что терять.

Жанночка сначала сидела, уставившись страшно взрослыми глазами куда-то вперёд, потом положила голову мне на колени и вроде бы уснула.

Очень хотелось пить. Вода была повсюду, но мы ещё не настолько отчаялись, чтобы пить из луж, хотя кто-то, может быть, уже был готов к этому. Из-за спечённого крошева, в которое превратилась еда после того, как её высушила гигантская, военная микроволновка, воды хотелось так, что горло сходилась в спазме. Но люди, цепляясь за старые привычки, не шли массово на водопой в лужи. Они, не чувствуя отвращения, выбрасывали трупы себе подобных из машин в поисках пищи, но не были готовы встать раком, чтобы напиться грязной воды из питерской болотной почвы. Пока не были.

С ребёнком всё было ясно. За время пути он не издал ни звука, не пошевелил ни рукой, ни ногой. Если настроение может передаваться от человека к человеку как электрический сигнал по нервам, то нас всех охватила цепь колышущегося дискомфорта. Сумасшедшая, забравшись на сиденье с ногами, прижимала кулёк к щеке, качала его, клала в ложбинку между крепко сжатых бедер, тёрлась носом о его невидимое для нас лицо.

Кажется, кто-то был готов вскочить и выкинуть его отсюда.

– Как его зовут? – спросил женский голос.

Нервная волна чуть отступила.

– Лёня, – просто и спокойно ответила мать.

Кажется, Жанна всё-таки спала, потому что даже не подняла голову.

– Сколько ему? – спросил теперь уже мужской голос.

Людям было жаль её, но ещё их собственный голос успокаивал их самих.

– Четыре месяца нам, правда Лёнчик? – проговорила она, утыкаясь лицом в пелёнку – Какие щёчки у нас, какие глазки любопытные. Он родился до того, как всё это началось, – она обвела глазами пространство – не повезло мальчику, его жизнь не будет нормальной, как могла бы быть.

Она сказала это с таким искренним сожалением... Жилось бы ему тяжело – это правда. Только вот в тот момент он уже НЕ жил.

Очень хотелось спать. Пить и спать. Во рту даже не было густой слюны из остатков слюны, как бывает, когда давно не пьёшь. Воды взять было неоткуда. Раненное этим обстоятельством сознание навязчиво подталкивало к мысли, что лужа – это вода, а что в ней содержится – не имеет значения.

Парень в спортивке озвучил общее стремление, разминая ноги:

– Ёбана, попить бы.

Люди повернулись, потом стали тихо переговариваться. Парень с грязным белым воротничком, который казался мне адекватнее всех, поднял голос.

– Нам нужна вода. Без неё мы протянем не больше этой ночи.

При этом глаза у него были как у побитого щенка. Я понял: он хочет казаться рассудительным, показать, что он выше своей жажды, но на самом деле она говорила его губами, шевелила его языком. В этом нет ничего плохого, просто в нашей культуре так сложилось, что показывать свою потребность считается чем-то позорным, низменным, так что люди предпочитают терпеть до последнего, а потом взрываться атомной бомбой бессмысленного и беспощадного бунта. На кону стояла жизнь всех этих людей, майор повёл себя единственно возможным способом: заставил их шевелить ногами, чтобы остановить брожение мыслей.

– Нам нужно идти, – сухо сказал он – сейчас до ближайшего поселения осталось километров пять-шесть...

– Ну ёбана, мы столько не пройдем без воды!

Меня взяло зло.

– Пройдем, – это была моя фраза.

Я сказал, как отрезал. По крайней мере, так мне хотелось думать.

Фраза достигла своей цели.

– А ты чо тут кукарекаешь, тебя спрашивал что ль кто?!

Он сделал движение ко мне, но сзади его придержал парень с автоматом. Этот гадёныш развернулся, вырвав руку, посмотрел солдату в глаза. Тот на удивление стойко для простого срочника выдержал его взгляд. Оба, как два боевых петуха перед дракой, стояли и смотрели друг на друга. Потом выпендрёжник что-то сообразил, его облик сломался, полоски на спортивной куртке согнулись в неправильные линии, грудь ушла внутрь, а голова повисла на тонкой шее. Не приходилось сомневаться, что он просто так это не оставит – просто сейчас сила была не на его стороне.

– Почему мы идем сейчас, когда темно?! – чей-то голос был настолько жалобным, что звучал как призрак человека, погибшего от пыток инквизиции.

– Похуярим только так, – злорадно сказал знакомый гнусавый голос.

– Нам нужно идти сейчас, потому что в это время нас не видно. Помимо этого, мы всё ещё не знаем, как троглодиты координируют свои действия, может им дохлые червяки сигналы передают, может они сами могут увидеть нас и передать остальным. В любом случае, глаза у них человеческие, а человеческие глаза видят на свету лучше, чем в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.